

М. М. ГАСАНОВ

*Дагестанские
народные пословицы,
поговорки, загадки*

М. М. ГАСАНОВ

**Дагестанские народные
пословицы, поговорки, загадки**

Дагестанское учебно-педагогическое издательство
Махачкала — 1971

ВВЕДЕНИЕ

Дагестанские пословицы и поговорки, замысловатые народные загадки с их яркой и чудесной выдумкой являются ценнейшей частью фольклора и национальной культуры дагестанских народов.

По определению М. Шолехова, пословицы вообще — это «сгустки разума и знаний жизни». Таковы и дагестанские пословицы. В них — мудрые суждения, точные и меткие характеристики.

Пословицы, поговорки и загадки отразили в себе сложность и противоречивость социальной жизни в горах. Исходя из ленинского положения о двух культурах в каждой национальной культуре, следует учитывать не только сильные стороны афористического творчества народа, но и его известную ограниченность. Не все в фольклоре народно.

Роль пословицы, поговорки, загадки в практической жизни, в быту и речи горцев всегда была огромна. А начало их собирания относится только к 60-м годам XIX в., хотя можно допустить, что первые записи могли иметь место и в более отдаленные от нас времена.¹

В собирание и публикацию дагестанского афористического творчества большой вклад внесли русские ученые. Известный пионер кавказского языкознания П. К. Услар в своей работе «Кое-что о словесных произведениях горцев» приводит около ста абхазских, аварских, лакских, чеченских и лезгинских пословиц.

В его большом труде «Этнография Кавказа. Языкознание» об аварском, хюркилинском, казикумухском и кюринском языках также содержатся пословицы и поговорки.

Работа П. К. Услара пробудила интерес к родному слову и у первых дагестанских ученых. В «Сборнике сведений о кавказских горцах» за 1868 год, в котором была помещена работа П. К. Услара, мы находим и пословицы, собранные первым лакским этнографом Абдуллой Омаровым. В 1883 году Магомед-Эффенди Османов издал в Петербурге «Сборник кумыкских

¹ Нужно учесть, что многие культурные ценности народов Дагестана, зафиксированные с помощью арабской письменности или созданные на арабском, фарсидском и азербайджанском языках, выявляются только за последние годы. Таков, например, «Свод заповедных законов Кайтаг-Дарго», опубликованный проф. Р. Магомедовым в 1964 году и содержащий в себе, между прочим, немало даргинских пословиц и поговорок.

и ногайских песен». В этом сборнике также есть народные пословицы и поговорки.

В 90-х годах прошлого века 23 лезгинских пословицы появились в публикации Лионидзе.² Есть пословицы и в грамматических очерках дагестанских языков немецкого лингвиста и этнографа А. Дирра.³ Кюринские пословицы и поговорки (всего 22) в дореволюционный период нашли свое место также на страницах сборника «Весь Кавказ».⁴ В конце XIX и начале XX века значительное внимание собиранию дагестанских пословиц уделял известный даргинский этнограф Башир Далгат,⁵ а лезгинский ученый-арабист Гасан Алкадари написал труд «Подтверждение поговорок в нравах народа».⁶ Собирателем аварского фольклора, в том числе пословиц и поговорок, как считают, являлся и поэт Тажудин (Чанка).⁷

Почти все дореволюционные публикации страдают существенными недостатками. По этим записям невозможно представить себе ту внутреннюю обстановку бытования фольклорных произведений, на необходимость передачи которой указывал еще Н. Добролюбов.

Совершенно новым этапом в истории дагестанской фольклористики явился период послереволюционного ее развития. Сразу усилился интерес и к дагестанской афористической поэзии. Даже в 1918 году, в период напряженных классовых столкновений, новые записи пословиц появляются в первом дагестанском журнале «Танг Чолпан» («Утренняя звезда»),⁸ издававшемся известными кумыкскими писателями Н. и З. Батырмурзаевыми и Т. Бейбулатовым. В двадцатых годах собиранием пословиц, поговорок и загадок занялся и первенец научно-исследовательских учреждений в Дагестане — институт национальной культуры. Записи велись на разработанном тогда латинском алфавите и снабжались переводами на русский язык и необходимыми комментариями. Таковы, например, записи лакского писателя и фольклориста Муэтдина

² «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Вып. XIV, Тифлис, 1892.

³ А. Дирр. Агульский язык. Грамматический очерк. А. М. Дирр. Рутульский язык. Тифлис, 1911, А. М. Дирр. Грамматический очерк табасаранского языка с предисловием, текстами и сборником слов. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Вып. 35, Тифлис, 1905.

⁴ «Весь Кавказ», № 1. Тифлис, 1903, ч. II, отд. III, стр. 112.

⁵ Рукописный фонд Дагфилиала АН СССР, д. № 117, ф. 9, оп. I Даргинский фольклор, собранный Б. Далгатом. Героические песни, сказки и пословицы.

⁶ См. «Дагестанские лирики». «С. п.», Л., 1968, стр. 366.

⁷ См. вступительную статью О.-Г. Шахтаманова «Радуга любви» в сб. Чанка «Соперница звезд», М., 1966.

⁸ «Танг Чолпан», № 10, май 1918 г. Партархив Дагобкома КПСС, ф. 2370, оп. 5, ед. хр. 160.

Чаринова.⁹ В этом же институте большое количество лезгинских пословиц и поговорок собрал Гаджибек Гаджибеков.

После Первого Всесоюзного съезда советских писателей и известного письма А. М. Горького народному поэту Дагестана «Гомеру XX века» Сулейману Стальскому собрание устно-поэтического творчества народов Дагестана приняло особенно широкий размах. Об активизации работы дагестанских фольклористов в 30-х годах свидетельствует то, что сотни лакских, кумыкских, даргинских, лезгинских, аварских, табасаранских и ногайских пословиц были записаны в аулах и сопровождаемы подстрочными переводами на русский язык и иногда комментариями соответственно А. Каяевым, А.-П. Салаватовым, Б. Магомедовым, лезгинским поэтом Нури, Б. Маллачихановым, А. Ханмагомедовым и Джанибековым. Талантливый дагестанский писатель Эффенди Капиев неизменно заносил в свои записные книжки, наряду с другими мыслями и наблюдениями, пословицы, поговорки и загадки горцев. Их мы находим также в его книге «Резьба по камню».¹⁰ Тогда же начал собирать дагестанские народные пословицы фольклорист, этнограф и литературовед А. Ф. Назаревич.

В довоенное время наиболее обширную публикацию пословиц и поговорок осуществил в литературном сборнике «Чечеклер» на кумыкском языке А.-П. Салаватов (всего 279).¹¹ Лезгинские пословицы, поговорки, загадки в этот период публиковались в сборнике «Лезгийрин фольклор»,¹² татские — в сборнике «Фольклор тати».¹³

Пословицы, поговорки, загадки печатались также в литературно-художественных альманахах и в школьных хрестоматиях, в журналах «Дружба» и «Женщина Дагестана», выходящих на аварском, лезгинском, даргинском, кумыкском и лакском языках. В послевоенное время появились и первые сборники на лезгинском языке (1241 пословица),¹⁴ аварском (3385),¹⁵ даргинском (1345)¹⁶ языках.

Тот факт, что научные требования к собирательской работе по фольклору в Дагестане не всегда соблюдались, выдвинул задачу разработки методики этой работы. Впервые эта задача была

⁹ Рукописный фонд Дагфилиала АН СССР, д. 159, ф. 9, оп. 1.

¹⁰ Эффенди Капиев. Избранное. М., 1959 и «Резьба по камню». М., 1940.

¹¹ «Чечеклер». Махачкала, 1939.

¹² «Лезгийрин фольклор». Сост. А. Гаджиев. Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы Дагестана. Махачкала, 1941.

¹³ «Фольклор тати», сост. Х. Авшалумов, Махачкала, 1941.

¹⁴ «Лезгийрин мисалар ва мискалар». Сост. И. Вагабов. М.-К. 1961.

¹⁵ «Авар халкъалъул кицаби, абиял ва бицанкъаби». Сост. З. Алиханов М.-К., 1963; «Авар халкъалъул бицанкъаби» (Аварские народные загадки). Сост. М. Муртузалиев. М.-К., 1968.

¹⁶ «Даргала буралаби, айтуби, багъираби» («Даргинские пословицы, поговорки, загадки»). Сост. М. Гамидов. М.-К., 1965.

поставлена А. Ф. Назаревичем на 2-ой научной сессии Дагестанской научно-исследовательской базы АН СССР в 1949 году в докладе «Состояние собирательской работы и задачи изучения устно-поэтического творчества народов Дагестана». ¹⁷ Тогда же была разработана и издана соответствующая инструкция для собирателей фольклора. В 1951 году со статьей «Вопросы изучения фольклора в Дагестане» выступил приезжавший в Махачкалу московский фольклорист, проф. П. Г. Богатырев. ¹⁸ По поручению Дагестанского филиала АН СССР он составил «Программу по собиранию народного устно-поэтического творчества (фольклора) народов Дагестана». ¹⁹ Более краткая инструкция для собирателей разработана и издана в 1960 году студенческим научно-исследовательским институтом фольклора и литературы ДГУ им. В. И. Ленина.

Первые обобщающие работы по дагестанским пословицам относятся к 30-м годам. Но отдельные исследования в эти годы носили односторонний характер. Так, в статье М. и Ф. Перебийнос «К вопросу о горских пословицах» эти произведения безосновательно рассматриваются как средство выражения идеологии угнетателей народа, как «одно из орудий эксплуататорской политики». ²⁰

Первый научного типа сборник дагестанских пословиц и поговорок принадлежит А. Ф. Назаревичу. ²¹ Несмотря на отдельные слабые ее стороны, общение с книгой «Отобранное по крупицам» доставляет истинное эстетическое и интеллектуальное наслаждение, хотя, надо сказать, размер вступительного очерка не позволил автору более глубоко и шире раскрыть затронутые в нем стороны изучаемого предмета.

Некоторые работы по пословицам и поговоркам имеются и на дагестанских языках. Об идейно-тематическом содержании даргинских, аварских и лезгинских пословиц и загадок в общей и популярной форме говорится в предисловиях к названным уже нами сборникам на дагестанских языках. Краткий анализ кумыкских сказок, пословиц и поговорок дает известный дагестанский критик Камиль Султанов в статье «Емакълар, аталар сёзлери ва айтывлар», ²² входящей в его книгу о кумыкской литературе.

Как видим, дагестанские пословицы и поговорки относятся пока к малоисследованным областям фольклора горцев. А что ка-

¹⁷ Труды 2-й научной сессии Дагестанской базы АН СССР. М.-К., 1949.

¹⁸ «Дагестанская правда» от 3 августа 1951 г.

¹⁹ РФ Дагфилиала АН СССР, ф. 9, оп. 1.

²⁰ М. и Ф. Перебийнос. К вопросу о горских пословицах. Журн. «Просвещение национальностей». 1934, июль—август, № 4, стр. 30.

²¹ А. Ф. Назаревич. Отобранное по крупицам. Пословицы и поговорки народов Дагестана. М.-К., 1958.

²² Камиль Султанов. Къумукъланы адабияты. М.-К. 1964, стр. 36—48.

сается загадки, то это и в дореволюционных и в советских работах — почти не изученный жанр. О дагестанской загадке, если не считать заметки М. Муртазалиева²³ и его предисловия к составленному им сборнику аварских загадок,²⁴ до сего времени нет даже сколько-нибудь обстоятельной статьи.

Между тем, во всем устно-поэтическом творчестве дагестанских горцев едва ли найдутся жанры более интересные, чем пословица, поговорка и загадка. Мы имеем в виду прежде всего тот интерес, который представляет этот материал для философа, историка, этнографа, поэта и педагога.

Историк и этнограф смогут почерпнуть в пословицах, поговорках, загадках весьма драгоценные свидетельства об исторических событиях, памятниках материальной культуры, давно ушедших в историю атрибутах быта народа. Взятые вместе, они дают нам также представление о горской семье, о месте и положении женщины в общественной и семейной жизни, о юридических и правовых взаимоотношениях, не оформившихся в формулах законов и правовых установлений.

Не в состоянии обойтись без рассмотрения народных афоризмов и исследователь, разрабатывающий проблемы педагогики, ее историю, так как нельзя себе представить подлинную науку о системах воспитания и обучения в разные эпохи без анализа коренных народных педагогических воззрений, которые нашли отражение в пословицах и поговорках и с которыми неразрывно связана загадка.

Ценны народные пословицы, поговорки, загадки и для поэта, которого они смогут обогатить умением открывать в будничных явлениях и предметах действительности скрытое в них чудесное, удивительное, поэтическое, научат смысловой емкости слова, экономному отбору словесных изобразительных средств.

И, наконец, изучение дагестанского загадочного фольклора важно и в другом отношении. Определение значения исторического места загадок в дореволюционной дагестанской литературе, ясное представление о степени и форме влияния этого жанра на поэзию дагестанских ашугов и певцов-импровизаторов необходимо и для фольклориста, и для специалиста по истории дагестанской литературы.

В огромной массе произведений афористического творчества дагестанских горцев наряду с пословицами, выразившими их прогрессивные устремления, встречаются и такие произведения, в которых отложились народные суеверия, предрассудки, религиозные взгляды и даже антинародная мораль, просочившаяся в результате воздействия идеологии духовенства и господствующих

²³ М. Муртазалиев. Журн. «Гьудулъги». М.-К., 1961, № 6, стр. 62—67.

²⁴ Авар халкъьалъул бицанкъаби (Аварские народные загадки). Свыше 500 загадок с отгадками. Сост. М. Муртазалиев. М.-К., 1968.

классов. Важно вскрыть причины и условия появления в народном творчестве такой чуждой народу идеологии. Это вооружит нас в борьбе с пережитками старины.

Безграничны пределы жизни, охватываемые пословицами и поговорками. Дагестанскими горцами на протяжении многовековой их истории создано огромное количество отличающихся часто многозначным смыслом пословиц и поговорок о труде и Лени, о богатстве и бедности, о родной земле, о слове, языке, о семье, о людях, о детях, о воспитании и т. д. и т. п. Зачастую даже кажется невозможным разобраться в многообразии всего этого материала. Найти в нем какую-то систему, упорядочить его помогает принцип классификации пословиц и поговорок.

В предлагаемой вниманию читателей книге, для которой в качестве материала послужило более восьми тысяч пословиц и поговорок и две тысячи загадок, затрагиваются некоторые стороны богатого идейно-тематического содержания и поэтической формы народных афоризмов Дагестана. Многие из лежащих в основе этой книги народных афоризмов являются произведениями табасаранского фольклора, который совершенно не изучался до этого в научной литературе. Основой этого раздела являются собственные записи автора. Пословицы, поговорки и загадки других дагестанских народов извлечены из рукописного фонда студенческого научно-исследовательского института фольклора и литературы ДГУ им. В. И. Ленина и из рукописного фонда Дагестанского филиала Академии наук СССР. Автор выражает признательность А. Г. Агаеву и М.-С. Мусаеву, которые любезно предложили ему сотни собранных лезгинских и даргинских пословиц. Привлекается в настоящей работе и материал из сборников: «Отобранное по крупицам» А. Назаревича, «Пословицы и поговорки народов Востока», «Даргала халкыла буралаби, айтуби, багыраби», «Авар халкълал тул кичаби, абиял ва бицанкIаби», «Лезгийрин мисалар ва мискIалар» и т. д.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ ДАГЕСТАНА

В дореволюционных, по своим достоинствам различных определениях пословицы, данных И. Снегиревым, Ф. Буслаевым и В. Далем, сказалась печать узко филологического подхода к этой задаче. В них по вполне понятным причинам, коренящимся в складе мышления этих буржуазных ученых, не отражена общественно-историческая основа афористической поэзии.

Советская паремиологическая наука располагает мудрым материалистическим замечанием о пословице А. М. Горького, который отметил, что она «образцово формирует весь жизненный, социально-исторический опыт трудового народа».

Поэтическую природу и идейную сущность пословицы отражает сформулированное В. Аникиным определение. Пословица — «это краткое, вошедшее в речевой оборот и имеющее поучительный смысл, ритмически организованное поэтическое изречение, в котором народ на протяжении веков обобщал свой социально-исторический опыт».²⁵

Когда мы рассматриваем пословичное творчество народов Дагестана, мы сталкиваемся с трудностями, связанными с многоязычным характером дагестанского фольклора. Но любопытно, что само терминологическое обозначение пословицы у всех дагестанских народов лексически весьма близко. Аварцы называют пословицу «кици» или «умумузул кици». По смыслу это — старинное отцовское наследие, остаток. Термины с подобными значениями имеются у лезгин («бубайрин мисалар» — «отцовские примеры»), табасаранцев («кабйирин гафар»), кумыков («аталар сёзлери» — «отцовские слова», ср. с балкарским обозначением пословицы: «нарт сёз» — «нартское слово»). У даргинцев существуют два названия жанра пословицы. Одно из них: «масала» («пример»). Этими терминами горцы как бы определяют и важность мысли, заложенной в пословице, и долгий процесс ее испытания временем.

Кроме названных терминов, пословица у кумыков обозначается еще словом «айтыв», у табасаранцев — «айту» (от слова

²⁵ В. П. Аникин. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1957, стр. 14.

«айтмагъа» — сказать, говорить; ср. с аварск. «умумузул аби» — «поговорки предков»; абизи — сказать, говорить). С таким значением совпадает и лексическое значение второго даргинского названия пословицы «бурала» (от слова «бурес» — сказать). Интересно, что у лакцев народная пословица обозначается термином «учала», «учалартту» (во мн. числе), от слова «учала» — сказать, говорить.

Горцы Дагестана рассматривают пословицы и поговорки как драгоценное словесное богатство, заключающее в себе испытанную, проверенную в жизненной практике народную мудрость, помогающую убедительней раскрыть и мысль и чувства.

Вот несколько образцов пословиц:

«Ценное слово — дороже золота» (лз);²⁶

«Торопливая река до моря не добежит» (общ);

«Положишь в рот корове, возьмешь из вымени»;

«Для матери яичницу на ладони изжарь — все равно будешь в долгу» (д).

Вместо того, чтобы давать собеседнику длинное и подробное изложение сообщения о конкретных повседневных вопросах общественной и частной жизни, для того, чтобы характеризовать поступок того или другого человека, горцы, как правило, пользуются авторитетом мудрых образных пословиц и поговорок.

Что касается жанра поговорки, определения ее места в ряду других фольклорных явлений, то в этом вопросе до сего времени остается не мало спорного, не до конца изученного. Вплоть до 50—60-х годов XX века, может быть, именно в силу близости к пословице, вопрос о специфике поговорки по существу обходился. Более определенные позиции в этом вопросе стали утверждаться уже в наши дни в работах М. Хамаганова,²⁷ К. Самородова,²⁸ Р. Музафарова и, наиболее последовательно, в предисловии В. Аникина к сборнику «Пословицы и поговорки народов Востока» (М., 1961).

Поговорку, взятую без применения в речи, как «мертвый препарат», по грамматической форме многое сближает с фразеологизмами. Это, как правило, устойчивое словесное предложение, сжатая «готовая окостеневшая форма» (М. Горький). Понятие поговорки шире фразеологизмов и идиомов. Пример: идиома из табасаранского языка «Даждин рангар хъауб» входит в поговорку «Яз даждин рангар хъаьдина» (употребляется в смысле: «ты мне ничего не сможешь сделать, я ко всему готов»).

²⁶ Принятые в работе сокращения означают: лз-лезгинская пословица, а-аварская, д-даргинская, к-кумыкская, лк-лакская, тб-табасаранская, т-татская, н-ногайская, общ-общедагестанская.

²⁷ М. П. Хамаганов. Очерки бурятской афористической поэзии. Улан-Удэ, 1959.

²⁸ Записки, № 18. Язык и литература. Научно-исслед. институт ИЯЛИЭ при Совмине Мордовской АССР. Саранск, 1958, стр. 96—97.

Когда мы берем афоризмы как выражение отвлеченного понятия, то есть без их конкретного применения, то они почти совпадают с фразеологизмами. А внимание фольклориста, интересующегося главным образом фольклорными явлениями в их живом бытовании, первым долгом привлекает поговорка в той форме, в какой она выступает как элемент непосредственной характеристики человека или явления, как их определение, как художественное проявление жизни. Такова, например, поговорочная форма: «Думу жакьвлин кватІрам кувкьуз гьузрур дар» — «Он тот, кто даже птичьему помету не даст к себе коснуться», т. е. очень опрятный (тб).

Поговорка во многом сходна с пословицей. Часто одно и то же афористическое выражение горцы, в зависимости от потребностей обстановки, употребляют то в форме пословицы, то в форме поговорки. В первом случае оно имеет свойство общего суждения и полноты: Это — обобщение, типизация какого-либо события, характера той или иной категории людей, их общественных и личных качеств и особенностей человеческих взаимоотношений. Это — поучение, совет, девиз и наставление, которое отражает повторяемость определенного круга явлений действительности, в образно-поэтической форме абстрагирует их существенные признаки и вследствие этого по отношению к данному кругу явлений приобретает в какой-то степени универсальный характер.

«Кто умеет, тот и на море огонь разведет» (д, лк.);

«В селе домов семь, старшин восемь не бывает»;

«Кто идет за неупрочившимся стадом, тот и в солнечный день под дождь попадет» (тб), смысл: не лезь не в свои дела;

«Небольшую голову платком (т. е. холодным компрессом) не перевязывают» (лз).

В этих пословицах высказываемая мысль, положение, заключение выступают категорично и в законченной форме.

Эти же афористические произведения, применяясь к конкретным случаям и явлениям, могут выступать также и в роли поговорки. Они приобретают в таком случае иной характер типизации, — несколько частный и элементарный. Конкретность содержания вызывает соответствующие изменения в форме. Форма поговорки не остается такой же развернутой, как в пословице. Она зачастую сокращается, делается равной только элементу пословицы, организуется таким образом, что берется лишь основная по смысловой насыщенности часть пословицы, образный стержень ее. Отсеивая такие лишние здесь словесные компоненты, придающие пословице характер общего суждения, как «бывает», «не бывает», «нельзя» и другие, поговорка обрывается несвойственными пословице грамматическими формами — местоимениями, причастиями, личными формами глагола, чаще всего 3-го лица.

Приведем вышеупомянутые примеры при употреблении их в качестве поговорок:

«Он на море огонь разведет» (д, лк);

«У них в селении домов семь, старост восемь стало»;

«Он тот, кто за неупрочившимся стадом идет» (тб).

«Он небольшую голову платком перевязывает» (лз).

Нужно сказать, что количество взаимопереходящих пословиц и поговорок в общей их массе не беспредельно.

Поговорки горцев в вышеприведенных примерах приобрели, по сравнению с пословицами, более ясную конкретность и локальность, индивидуализированность в применении. Отсюда поговорка — это устойчивое окольное выражение, иносказание, образно отражающее существенные стороны, детали и признаки общественного поведения и психологии людей, метко, и по сравнению с пословицей более конкретно, отграничительно и индивидуализированно характеризующее предмет или явление.

Определяя различия между пословицей и поговоркой, установившееся в науке представление считает, что главное отличие в том, что пословица — это полное, законченное суждение, в то время как поговорка — это оборот речи, «элемент суждения». Такая мысль и в действительности верна, если сравнить пословицу с «чистой» поговоркой, взятой вне контекста речи, вне полного применения ее. Например, известная в разных вариантах почти у всех дагестанских народов пословица «Торопливая река до моря не дойдет» (тб, лк, д, лз) или лезгинская пословица «Когда бедняк в воде нуждается, и река высыхает», или аварская «Деньги делают и хана рабом, и раба ханом» содержат полное суждение, завершенную мысль по сравнению с поговорками «без приложения к делу» (В. Даль): «Волк с овечьей головой» (лз); «Свесить ноги в могилу» (лк); «Стоять на краю могилы» (тб). Когда же эти вырванные из контекста и несколько абстрагированные обороты речи мы используем в беседе, они приобретают объективную реальную силу законченного высказывания: «Он волк с овечьей головой», «Он ноги в могилу свесил», т. е. безнадежно стар или болен.

Эти речевые характеристики, поговорки-присловицы (термин К. Т. Самородова) по признаку полноты выражения в пределах данного предложения целиком сблизилась с пословицами, но существенная разница между пословицами и поговорками-присловицами, заключающими в себе суждение, в результате не утратилась. Поговорка-присловица в отличие от пословицы отграничивает от массы многообразных явлений и предметов тот или иной характерный предмет, данный признак, действие, качество, черту и в художественно индивидуализированной форме, зримым образом, порой посредством преувеличения оценивает, раскрывает его. При этом поговорка-присловица всегда выпукло, рельефно оформляет качественно характерное, существенное в людях и явлениях.

Поговорка изображает, скажем, не хитрость, честность, алч-

ность, а чаще всего иносказательно рисует конкретного человека, воплощающего в себе эти качества; изображает те или иные конкретные действия людей, их взаимоотношения (напр., поговорка «У них семь дней любовь, на восьмой — драка» *а*), психологическое состояние и т. д.

Само по себе казалось бы незначительное выражение, она дает ясное и довольно полное представление о том или ином типе людей, обнаруживая главное в них, наиболее характерное для них.

Для оценки скупца и скряги горцы создали поговорку: «В полном ларе голодная мышь» (*тб*), а про никчемного человека они скажут: «С ячменем смешать — его лошадь не съест, с отрубями смешать — собака не съест».

Горцы бичуют в поговорках непрактичность, несмышленость, пассивность и лень:

«Скажешь, возьми выюк — он становится птичкой; скажешь, полети — он становится верблюдом» (*лк*; о лентяе).

«Мертвой овцы холодная кишка» (*д*, говорится про неповоротливого ленивца, про ничтожного человека).

Вместе с тем в поговорках, в этих подлинных поэтических миниатюрах, горцы Дагестана прославляют тех, кто что-нибудь да умеет. Об искусном охотнике они говорят: «Кукушка, засевшая на макушке дерева» (*а*), о мастерах; «Он и из дерева человека сделает» (*тб*) или: «Он и комариную ногу подкует» (*лз*). Ср. с армянской поговоркой о ловкаче: «Черту чувяк наденет»²⁹ и с русской о мастере на все руки: «В городе он порука, а в деревне сосед».³⁰

Одной из существенных особенностей дагестанской поговорки является то, что она посредством точного и удачного подбора самых нужных для данного выражения слов из общенародного языка достигает большой широты смыслового наполнения. Ей свойственна необычайная экономия словесно-речевых средств при сильной экспрессивности.

Поговорка — яркое доказательство поэтического видения мира, самобытного чувства красоты, свойственного тому или иному народу. Дагестанская поговорка эмоциональна. Она не прямо, а косвенно, намеком, иносказанием говорит о ком-либо или о чем-либо, раскрывая отношение говорящего к тому, о чем говорится. Одна и та же эмоциональная оценка у разных горских народов выражается в различной словесной форме, неодинаковыми поговорочными иносказаниями. Вместо того, чтобы сказать «он рассеян», лезгины и табасаранцы скажут: «Он на осле сидит и осла ищет», а лакцы то же самое выразят так: «В руках лампу держит, а ищет огонь».

²⁹ Армянские пословицы и поговорки. Издательство «Наука», М., 1964, стр. 32.

³⁰ Ф. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. 1, СПб, 1861, стр. 135.

К дагестанской поговорке относится и общее определение М. А. Рыбниковой: поговорка «наполняет наш язык «узелками» образов, чрезвычайно живых и эмоциональных». ³¹ Как и в поговорках любого народа, в дагестанской поговорке особенно красноречиво проявляется своеобразие образного мышления горцев.

Нужно сказать, что в одно и то же поговорочное выражение разные народы иногда вкладывают совершенно различные и даже противоположные представления и оценки. Так, с оттенком укора характеризуя человека излишне чувствительного, лезгины и табасаранцы говорят: «Он имеет тонкую душу» (дословно: сердце — тб). Русские, как известно, этот образ употребляют для того, чтобы подчеркнуть благородные внутренние качества человека. В несколько бранном смысле табасаранцы применяют выражение: «У него глаза, как звезды», подразумевая под этим белесые глаза. В русском же языке этот образ имеет совершенно иное значение (красивые, яркие глаза).

Собирание самобытных поговорок каждого народа, изучение их особенностей важно для взаимообогащения культур всех народов многонационального Советского Союза. На это обращал внимание А. М. Горький, который писал: «У нас наименьшинства понимают и вводят свои словечки, и мы их усваиваем, потому что они удобны по своей звучности, ёмкости, красочности. В этом взаимопроникновении языков наш язык будет очень обогащен».

1. Ранние стадии развития дагестанских пословиц

Исследование идейно-тематического содержания дагестанских пословиц, особенно на ранних стадиях их развития, — одна из интересных и сложных проблем. Разрешить ее возможно лишь с помощью косвенных свидетельств — данных археологии, истории, этнографии, языкознания. Такие ученые, как Э. Тейлор считают, что появление пословиц, поговорок и загадок относится еще к эпохе каменного века. Дагестанский материал дает в этом отношении возможность тематически проследить появление пословиц вплоть до первобытно-общинного этапа развития общества, когда господствовали отношения матриархата, при которых источник родства определялся по материнской линии. Целый комплекс старинных горских пословиц о матери сберег следы древнейшего матриархально-родового строя горцев. Дагестанские исследователи уже отмечали отголоски матриархата в пословицах: «Кушай у отца, спи у брата матери» (лз) и др. Мы можем дополнить это положение новыми примерами:

³¹ М. А. Рыбникова. Русские пословицы и поговорки. Изд-во АН СССР, М., 1961, стр. 19.

«Ата къардаш — мал къардаш, она къардаш — жан къардаш»
— «Брат отца — богатство, брат матери — сердечная любовь» (к);

«Аталар гелген — гелген къонакъдыр, аналар терде янгъан чыракъдыр» — смысл: «Отцы — гости, которые приходят-уходят, матери — это ярко горящие чираги» (к);

«Если не имеющий отца раз сирота, то не имеющий матери — семь раз сирота» (тб, таковы же: *дарг., лезг.*).

Мать в дагестанских пословицах наделяется особо положительными чертами, ей отдается предпочтение. Все это, конечно, переосмыслено воздействием идеологии и быта более поздних эпох, но многое сохранилось и от эпохи матриархата. В пословице «Не дружи без разбора, а если придется — дружи с братом матери» (а) А. Назаревич усматривает связь с пережитками аванкулата,³² когда брат матери признается чуть ли не более близким родственником, чем собственный отец.

Развитие первобытно-родового общества приводит к крупным изменениям в общественно-экономическом строе и повышает в хозяйстве роль мужчины. Женщина утрачивает былые привилегии, и материнское право уступает место отцовскому. Происхождение отныне ведется по мужской линии. Мужчина становится воплощением силы семьи, ее гордостью. Интересны в этом смысле пословицы «Для красы лица — бровь, для красы рода — мужчина» (а), «Человека со стороны отца не черни, человека со стороны матери — не хвали» (а).

Тема земледельческого и животноводческого труда при первобытном уровне развития сельскохозяйственной техники выступает в пословицах Дагестана в форме, просеянной через отсталое примитивное сознание тогдашнего горца. Тут в пословичных наблюдениях много суеверного, типичного для эпохи, когда человек в борьбе с непонятными прозными силами природы испытывал массу препятствий. Однако уже то, что наши предки усваивали, хотя зачастую и искаженно, отдельные существенные признаки окружающего, замечали повторяющиеся изменения природы, было каким-то шагом вперед в овладении и покорении природных сил. Еще в период господства общинно-родовых отношений горцы из трудового своего опыта пришли к выводу, что «Хозяин земли тот, кто ее пашет» (д) и начали уже накапливать опыт земледельческих работ: «Поливай не сто раз, а один раз — осенью» (к). В нынешней своей форме эти пословицы обобщают, видимо, взгляды земледельцев более позднего времени, но первоначальной основой были, надо полагать, словесные формулы, отражавшие еще опыт первобытного пахаря.

К числу пословиц, сохранивших этот опыт можно отнести и такие, которые отразили заостренное и постоянное внимание

³² А. Назаревич. Отобранное по крупицам, стр. 91.

пахаря к погоде, к климатическим условиям, к небесным светилам. Вот пословицы такого типа:

«Семь лет засуха была — голода не было, один год дождливый пошел — голод начался» (тб, лз);

«Караван разнесен» (это — название созвездия) восходит за два часа до наступления рассвета);

«Улькеры» (группа звезд) опустились — земля замерзла);

«Красный месяц предвещает жару»; «Когда месяц красный, говорят: птица в колодце, в хуторе кирпич» (к).³³

Наши предки стремились объяснить непонятные им явления природы, научиться спасаться от стихийных бедствий. Табасаранская пословица говорит: «Во время дождя не стой под ореховым деревом, стой под тутовым деревом»; ср. с кубачинской пословицей «Под ореховым деревом не спят». Трудно сказать, что здесь идет от опыта, что от суеверий, но в ореховые деревья, по народным понятиям, молния бьет чаще, чем в тутовник.

К первобытной эпохе восходят пословицы с оттенками магических, анимистических и тотемистических представлений. Показателен в этом отношении древний обычай кубачинцев, запрещающий убивать лягушку, которая, по-видимому, являлась символом плодородия («Лягушку убьешь — год не проживешь»).

Духовный мир людей периода родового строя был населен фантастическими образами так называемой «низшей мифологии». Им представлялось, что даже окружающая природа умеет читать их мысли и чувства, которые не утаишь от коллектива, от рода, племени. Прислушиваемся к свидетельствам народных пословиц об этом: «И у леса глаза, и у забора уши» (д, лз); «У природы двенадцать глаз имеется» (тб). Многие из этих афоризмов с течением времени пополнялись переносным смыслом. У части дагестанского населения можно отметить проявления религии зороастризма, поклонение огню, культ луны и другие языческие верования. Они, как отмечают исследователи, нашли отражение в пословице «Тяжесть Луны перетянет Солнце» (к). С лунопочитанием был связан ряд примет и обычаев дагестанцев. Так, у табасаранцев существовало суеверное представление, будто бы на новую луну лучше смотреть через голову доброго, щедрого человека, — это принесет удачу в жизни.

В среде пословиц и примет, связанных с природой и древними верованиями горцев, особое место занимает все, что говорит о воде. Интересно, что в фольклоре народов Дагестана кукование кукушки является вестником дождя: «Кукушка кукует — быть дождю» — «КкуккумпI рявгьюрш, марх угьюр» (тб). В представлениях русского крестьянина эта птица связывается с весенним теплом.³⁴ Табасаранцы приписывали кукушке человеческие чер-

³³ Рукоп. фонд студ. НИИФЛИ ДГУ, д. № 238. Записи К. Абдулатипова.

³⁴ С. Ф. Баранов. Русское народное поэтическое творчество, стр 78.

ты, видели в ней существо эгоистичное, жалкое, обреченное на одиночество и отверженное всеми. Об этом свидетельствует в частности табасаранская этнологического характера легенда «Поиски воды». В ней рассказывается о том, как в давно прошедшие времена, когда еще не было водных источников и оросительных каналов, люди, звери, птицы — словом все живое — стали заботиться о добывании воды. Только кукушка не принимала участия в этой общей работе. Она считала, что ей достаточно дождевой воды. С тех пор, когда кукушка приближается к рекам и водным источникам, птицы нападают на нее и не дают напиться. Вот почему, говорит легенда, во время жары кукушка, вынужденная ограничиваться одной дождевой водой, жалобно кукует, прося дождя.

Среди дагестанских пословиц мы можем отметить такие, которые отражают пережитки родовых отношений, внутренние взаимосвязи членов рода.

Приведем примеры:

«Ноготь от мяса отделить невозможно» (т. е. кровная близость никогда не станет горькой).

«Кровь видит — кровь» (т. е. близкие по родству люди находят друг друга, — тб).

Сохранив какие-то отголоски первобытно-родового строя, дагестанские народные пословицы дают возможность судить и об эпохе его разложения, о складывании и развитии патриархальной семейной и сельской общины. Тема внутренней жизни общины, «джамаата», возникнув в этот период, на протяжении всей дальнейшей общественно-исторической жизни горцев приобретала в афористической поэзии права традиционности и наибольшего развития. Общинные нравы, утверждающие честь, силу, всемогущество и достоинство коллектива, пробиваются в большом количестве пословиц самых различных народов Дагестана.

Даргинские: «Джамаатом отрезанный палец не болит»; «Меч народа рубит, хотя он из войлока»;

Табасаранские: «Котел джамаата и на льду закипит», вариант: «Котел джамаата и без огня закипит»;

Лезгинская: «Если народ завязнет в омуте—и ты следуи ему» и т. д.

Пословицы о «джамаате» осуждают отклонившихся от коллектива одиночек, действия которых несовместимы с интересами, моральными принципами и традициями родового коллектива: «Все — в миле, ³⁵ Таман ³⁶ — за ларем»; «Стадо быка не ищет, бык стадо должен искать»; «Из стада вышедшему по рогам достанется» (тб); «Лучше одного убить, чем всех ранить» (д) и т. д.

³⁵ Мил — общинная трудовая взаимопомощь.

³⁶ Таман — имя девушки. Тут аллитерация — Таман-Тавтихь.

2. Тема классового антагонизма в дагестанских пословицах и поговорках

Исследование «под социально-политическим углом зрения» (В. И. Ленин) чаяний и ожиданий горцев и народной психологии, отраженной в пословицах, имеет большое историко-познавательное и воспитательное значение. Однако тема классовых взаимоотношений в дагестанских народных пословицах относится к числу малоизученных.

В прошлом, в дооктябрьский период, этот вопрос совершенно обходился молчанием даже теми буржуазными учеными, которые так или иначе брались за изучение афористической поэзии Дагестана. Так, в работе П. К. Услара «Кое-что о словесных произведениях горцев» игнорируется такая характерная особенность пословиц, как социальная направленность. Непокорность горцев социальному и колониальному гнету, восстания горцев Услар пытается объяснить морально-этическими и психологическими причинами, «лепковерием» горцев и их склонностью поддаваться «случайным увлечениям».

Между тем дагестанские пословицы уже одной остротой своего содержания отражают реалистические народные выводы о социально-классовых взаимоотношениях в горах на различных этапах исторического развития. Пословицы, по глубокому замечанию А. М. Горького, «образцово формируют весь жизненный социально-исторический опыт трудового народа». Это — душа народа, живой голос его, красноречиво говорящий об общественно-политическом мышлении горцев, а вовсе не «одно из орудий эксплуататорской политики» (М. и Ф. Перебийнос).³⁷

Дагестанские пословицы отражают острый классовый антагонизм дореволюционной дагестанской действительности. Рабовладельцы, феодальные владетели, ханы, талканы, удмии, майсумы и беки подвергали горских крестьян беспощадной эксплуатации. Имевшие место частые междоусобицы между дагестанскими владетелями также ложились тяжелым бременем на плечи трудящихся. Гнет местных угнетателей дополнялся жестокостью колониальной политики царизма. Власть и своеволие угнетателей народа оправдывалась и освящалась авторитетом ислама. Ко всему этому беспросветная жизнь бедняка горца осложнялась еще и всем тем мрачным, что сохранялось от первобытно-общинного строя (кровная месть, жестокие адаты и т. д.). В этих условиях тем большим смысл приобретает отраженная в пословицах моральная стойкость народа. Долгие века социального гнета и классово враждебной идеологии не сумели убить в нем лучшие челове-

³⁷ М. и Ф. Перебийнос. К вопросу о горских пословицах. Журн. «Просвещение национальностей», июль-август, № 4, Учпедгиз, 1934, стр. 30.

ческие качества и главное — упорство и мужество в борьбе со своими угнетателями, насмешливое отношение к эксплуататорам и уверенность в конечной победе дела справедливости.

Об этом свидетельствуют сами пословицы народов Дагестана:

«Веку насильника долгим не быть» (д);

«Народ — все может» (лк).

В своей борьбе с трудовыми массами горцев эксплуататоры прибегали не только к прямым формам экономического и политического порабощения, но и к тончайшим средствам идеологического воздействия. Они в течение веков усердно отравляли сознание горцев мусульманской религиозной догматикой и ловко прятали свою реакционную идеологию в близкую духовному миру горцев пословичную форму. Так в фольклор просачивались антинародные пословицы, чуждые интересам народа, несовместимые с здоровым оптимистическим мышлением социальных пословиц. Вот почему, как указывали еще революционные демократы, не все живущее в народе народно.

Еще от эпохи рабовладения дошли до нас такие пословицы, которые, являясь свидетельством социального неравенства, отражали идеологию рабовладельцев. Как явствует из трудов советских дагестанских историков, предки современных дагестанцев «знали лишь неразвитый рабовладельческий строй с патриархальной домашней системой рабства». ³⁸ Несмотря на это, вплоть до конца XIX и начала XX веков дожили пословицы, дающие представление о крайне суровом, бесчеловечном и безжалостном отношении рабовладельцев к рабам. Проявления рабства переплетались с остатками исчезающих первобытно-общинных отношений и были известны в Дагестане и в условиях феодального строя и позже вплоть до 60-х годов XIX века. В частности, в годы Кавказской войны большое количество пленных, захваченных отрядами Шамиля, было обращено в рабов. Х.-М. Хашаев пишет: «Их (рабов—М. Г.) было так много, что в 1843 году можно было купить раба за 50 коп». ³⁹

Отголосок рабовладения немало в кумыкских пословицах («Сын раба не имеет звезды», «Раб, хотя нагрудник твоего седла и будет из литого золота, будь же ты собакой семи твоих предков»), но встречались они и в Аварском ханстве («Из буйволиного масла масла не получится, из раба человек не получится», «Мужество раба, поспешность осла — жар сыворотки»). Рабское положение и рабский труд в таких пословицах изображается, пользуясь выражением К. Маркса, как «занятие, бесчестящее свободных людей». ⁴⁰ Эта идеология проникает и в среду свобод-

³⁸ Р. М. Магомедов. История Дагестана. Махачкала, 1961, стр. 24—25.

³⁹ Х.-М. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX веке. Изд-во АН СССР. 1961, стр. 51.

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 20, стр. 643.

ных крестьян-узденей, наиболее зажиточные из которых сами владели рабами («Хоть оденься ты в шелка — ты осел (т. е. раб), хоть оденусь в парусину — я уздень», «Железо не зовется деревом, раб не есть уздень», — а). Так зажиточный уздень спесиво кичился своим превосходством над рабами.⁴¹

Невыносимый гнет не мог не вызвать естественного протеста рабов. Он слышится в аварской поговорке: «Если немного времени перенести рабство, то недолгий срок останется ханству». Однако надежды на какое-то избавление от рабства стали осуществляться в горах лишь с 60-х годов прошлого века, когда и на Дагестан распространился процесс освобождения от крепостной зависимости.

Афоризмы эксплуататоров открыто направлены против неимущих, нагло и грубо унижают их достоинство и гордость и являются свидетельством усилий богатых и сытых превратить народ в «физическую силу, покорную их воле» (А. М. Горький). Оскорбляя личность труженика-горца, плодами труда которого они жили, богачи пытались всячески оправдать социальное неравенство ложно-философскими построениями. Таковы феодальные поговорки: «Если то, что заработано ослом, достанется ослу, то что же быку?» (лз), «Что быком создано, один бык не должен есть» (тб). Подобного типа реакционные поговорки преследовали цель воспитать у народных масс политическую пассивность, долготерпение, примирение с социальным злом. «Один не умрет — другой не выживет» — с такой бесстыдной откровенностью феодальная поговорка оправдывает социальное неравенство. Разумность действительности, которой присуще социальное неравенство, доказывается и такими антинародными афоризмами: «Пальцы на руке и те не равны» (д, тб, лз), «И солнечные лучи всех мест одинаково не касаются» (тб).

Следует отметить, что подобного рода реакционных поговорок сравнительно мало. Подавляющая масса произведений паремии рассматриваемого цикла отражает мировоззрение трудящихся масс, говорит о тяжелом подневольном положении горцев-бедняков и зовет их на борьбу с угнетателями.

Пословицы горцев пронизывает сатирическая мысль, и это тоже свидетельствует о том, что в них отражен рост социальных противоречий в горах. Через многочисленные дагестанские поговорки красной нитью проходит мысль о богатых и бедных как о двух полярно взаимоисключающих началах, как о единстве непримиримых противоположностей: «Сытый голодного не разумеет,

⁴¹ Кстати, относящиеся к XVII веку кодексы законов кайтагского улма Рустема и аварского хана Умма охраняли права и привилегии узденей над рабами. Кодекс Умма-хана Аварского гласил: «Если уздень убьет раба, то с него взыскивается только диат в пользу владельца, а если раб убьет узденя, то взыскивается диат с владельца раба, а раб изгоняется на три года в канлы» (Х.-М. Хашаев, указ. работа, стр. 139).

здоровый — больного» (к, д), «У голодного силы нет, у богача — жалости» (лз).

Часты в горских пословицах образы волка и овцы. Они помогают заострить контраст между бедными и богатыми. Сам прием контраста помогает такому заострению. Пословицы в образном изображении противопоставляют богатого и бедного, сытого и голодного, волка и овцу, бека и батрака. Этим подчеркивается острый антагонизм, глубокая пропасть, разделяющая угнетателей и угнетенных. Она ощущается и в таких пословицах: «Бек, хоть на похороны пойдет, свадьбу найдет, осел хоть на свадьбу пойдет, груз найдет» (а, д, к), «Бедняку «откуда это у тебя?!», богатому «носи на здоровье» говорят» (тб), «Работающему в поле пахарю — толокно, сидящему на меже хозяину — сырники» (лк), «Один ест сочный плод, другому достаются от него брызги» (лз). Так, отдельными штрихами, дополняя друг друга, пословицы воссоздают картину неизбежного горя и нужды горца-бедняка, «день которого начинается горем, кончается стоном» (лз) и который являлся «летом — пахарем, зимой — нищим» (тб).

Если сгруппировать пословицы по общности их идейно-тематической направленности, они предстанут перед нами как бы единым художественным произведением, с потрясающей реалистической силой раскрывающим всю тяжесть зависимого полуголодного существования горского крестьянина. В пословицах горцев слышны стоны изнывавшего в несчастье крестьянина («Без боли не охают, без печали не поют», — д) и его отчаяние («Даже умереть некогда» — д). «От работы волю дохнут», говорил лезгин, и с ним был согласен и даргинец, замечавший: «Работа не кончится, сам скончаешься», — ведь «На спине бедняка и мельницу крутят».

Работы у горца было много, трудился он от зари до зари. Но производитель материальных ценностей, по дагестанским пословицам, отделен от продуктов труда. Именно тот, кто своими руками создает богатство, больше всего и нуждается в нем. Пословицы, выразительно говорящие об этом, очень популярны у всех народов Дагестана. Тут не только пословицы, сходные с русскими: «У столяра дверь всегда неисправна» (лк), «Сапожник всегда сам без сапог» (д, а, лз), но и специфически горские: «Плита бедняка после того, как испекут лаваша, нагревается» — говорят табасаранцы; смысл здесь тот, что теста у бедняка так мало, что каменная плита, на которой пекут лепешки, не успевает нагреться.

Труженик, работавший всю жизнь, в старости не только не пользовался заслуженным уважением, но наоборот, был покинут всеми. «Старый топор под ногами бывает» (тб), «Топор, который построил дом, всегда находится за дверью» (д, к).

Пословичный образ отработавшего своё старого топора, неизменно связывается в горах с думой о судьбе старого человека.

Голод — постоянный спутник бедняка-горца вынуждал труженика «стучаться в ворота врага» (тб) и жизнь лишней раз убеждала в том, что «уши хозяина глухи» (к). Дагестанские пословицы, как это подчеркнуто в одном из сборников, почти с документальной точностью рисуют типичную картину жизни трудового человека в дореволюционном прошлом: «Бедняк ради саха и гору одолеет» (а), «За бедою семь бед следуют (а, лз, д, тб)», «Голод из дому гонит, нагота — в дом» (тб), «Не имеющий) постели — охает, когда ложится, не имеющий одежды — охает, когда встает» (а).

Таких пословиц, раскрывающих беспросветную жизнь горца, полную нужды и забот, очень много. Они свидетельствуют о том, что дагестанский крестьянин был настолько обездолен, что часто ему казалось даже, что «насытив желудок, и умереть не беда» (тб). Бедняка везде подстерегают неудачи и неприязнь богатых:

«Камень к куче летит, беда — к тому, кто в беде»;

«Несчастье, куда путь держишь?» — «К бедняку» (тб);

«Если бедняк в воде нуждается, то и река иссохнет» (лз);

«Лед, на который наступил несчастливец, и в январе сломается»; ср. «Чеснок несчастливца мышь своровала» (тб).

В этих пословицах звучит осознание бедняком-горцем своего угнетенного положения в обществе и критическая оценка враждебных условий жизни, хотя гневного осуждения непосредственных носителей социального зла еще нет. Но есть пословицы, которые пронизаны ненавистью народа к своим грабителям. Богачи, алчный взор которых стремился «вперед — к двойной наживе» (Р. Бернс), рисуются в этих пословицах с реалистическим выявлением самой их сущности. «На воду не опирайся, на богатого не надейся» (к), «Чем скупой богач, лучше щедрый бедняк» (лз, д, а). И народ, подмечая коварные методы своих угнетателей, приходит к выводу: «И лиса не проживет, не попав в капкан» (тб).

Очень сильна сатирическая окрашенность дагестанских пословиц и поговорок, и это тоже свидетельствует о непримиримой классовой борьбе. Вот примеры аварских, даргинских, лезгинских, кумыкских, лакских и табасаранских пословиц, с ненавистью говорящих о ханах, беках, талканах, уцмях: «Не верь теплу зимы, смеху жены, улыбке хана», «Человек чем больше богатеет, тем больше скупеет», «У скряги желудка не бывает» (к), «Зоб утки и карман аги невозможно наполнить».

Народ верит, что награбленное у народа пользы не принесет: «Того, кто присвоит труд трудящегося, постигнет несчастье» (к).

«С шумом придет, с криками за собой уйдет» (тб),

«Бедствие, постигшее угнетателей — оплата их труда» (лк).

Всегда нужно помнить о бессмысленности доброго отношения к угнетателю, утверждает пословица, ибо: «Сделать полезное для

богача — то же, что смазать камень маслом». Другая аварская пословица с чувством собственного достоинства и морального превосходства простого горца саркастически высмеивает хана: «Если осла нарядить, люди станут судить да рядить: не хан ли осел, а если он хан, где ж осел». ⁴²

В разоблачении паразитизма богачей пословица достигает огромной обобщающей силы. Интересна в этом смысле ироническая кумыкская пословица: «Ты — князь и я князь, кто же лошадям сено даст?». Образы дармоедов-князей в этой пословице напоминают высмеянных Салтыковым-Щедриным тунеядцев из сказки «О том, как один мужик двух генералов прокормил».

В пословицах горцев, оценивающих явления общественной жизни, видно и отражение зарождающихся в Дагестане капиталистических отношений, под влиянием которых происходило расслоение горского крестьянства. Деньги, рубль — этот бог буржуазного общества поработили человека, исковеркали его душу, все сделали предметом купли — продажи. «Деньги делают и хана рабом, и раба — ханом» (а). «Не подходи к чиновнику, — говорит ногайская пословица, — когда разбогатеешь, он сам подойдет», «Если деньги в кармане, то и сад — хоть на скале», — соглашаются табасаранцы. Такого же типа пословицы: «Воды в моря текут, деньги — в карман богатых» (лз), «Имей золото, и осел через крепостные ворота перепрыгнет» (д). Характерны как свидетельство развития в горах товарно-денежных отношений пословицы: «От недоваренной пищи живот пухнет, от недоговоренного торга голова болит», «Для товара хозяин не пропадет» (лк).

В афористической поэзии той эпохи, когда капитализм проникает не только в город, но и в деревню, появляется новый образ — образ горца-должника. Антипод ему — ростовщик. В пословицах раскрывается горемычная доля должника, находящегося под угрозой полного разорения, оказавшегося в коварных сетях мироеда-кулака, у которого «копейка рубль творит» (тб). Оказаться в положении должника — худшая из бед. «Задолженность да будет за волком», — мечтает труженик-лакец. «Ложись, черный бык. Заимодавец придет — либо тебя возьмет, либо меня» — говорит табасаранская пословица. Даргинцы, кумыки считают, что «от взятого в долг — дважды пьянеют»: один раз, когда удастся взять в долг, а второй — когда приходится возвращать. В оригинале пословицы эти полны горькой иронии.

Народ отразил в пословицах и свои наблюдения над рыночной стихией. «Яловая овца, которую уже получил, лучше барана, который еще у должника» (а), «Базар — зараза для безденежного» (тб), «О чем думал дома, то не найдешь на базаре» (лз, тб,

⁴² А. Назаревич. Отобранное по крупницам, стр. 72.

а). «Ненужное купишь, нужное придется продать» (а, д), «Слову — вера, хлебу — мера, деньгам — счет нужны» (тб).

Изучение сложной идейно-художественной функции пословиц следует вести в плане учета самого разнообразного применения их в разговорной речи. Приведенные пословицы отличаются некоторой пестротой содержания. В них не только сила и точность народных наблюдений, но и противоречия, отсталость мировоззрения крестьянина, фетишизация денег. В пословицах о рынке часты и нездоровые нотки, свидетельствующие о том, что копейка, по образному определению М. Горького, являлась единственным солнцем в небесах мещанства. Даже старинные казалось бы святые чувства родственных отношений в новых условиях оказываются в водовороте денежных отношений. «Золотопалый микроб» на все накладывает свой отпечаток. «Без ветра холода нет, без богатства — родных», — говорит пословица кумыкской равнины, где денежные отношения утвердились раньше всего. Джамаат, общинный сход, был когда-то святыней, а в новых условиях пословица о джамаате говорит так: «Если даже рот кривой, на сходе богатей хозяин» (к, лк). У кого богатство, на стороне того и правда: «Кто силен, тот и прав» (а, лз). Народная сатира обличает общество, раздираемое растущими классовыми противоречиями. Сатира исполнена сознания того, что «Когда насилие через двери заходит, правда (справедливость) через окно бежит» (тб).

В старинных дагестанских пословицах не только показана сила власти денег, но подчеркнута мысль, что в условиях всеобщей продажности хищнически жадных до богатства властей деньги становятся средством достижения любых целей. В этих условиях безденежному бедняку приходилось особенно туго. «Пустую руку и собака не лижет» (тб).

Метко обрисовывая самое ненавистное из характерных черт судей, казиев, кадиев и дибиров, обличая мздоимство и корыстолюбие, дагестанская пословица подчеркивает, что в классовом обществе закон на стороне богачей. Богатые пользовались в бесконечных тяжбах с крестьянами самыми бесчестными методами, и пословица говорит: «У лжеца свидетель — рядом бывает» (д). Эта же мысль — в пословице «В одиночку у кази побывавший довольный вернется» (тб). В классовом обществе «Вор не тот, кто украл, а тот, кто в руки (в суд) попал». И горцы, неграмотные, не знавшие законов, старались быть подальше от суда, хозяином которого были богачи. Опыт учил их избегать свидетельских показаний в суде, быть скупыми в своих показаниях. «Не могу — рукам легче, «не знаю» — рту легче» (а). «Сделал? — Не сделал. — Видел? — Не видел» (д, лз, лк). «Верблюда видел? — Не видел. — Куда пошел? — Не знаю» (тб).

Сатирической насмешке в народных пословицах подвергаются не только судьи, но и другие представители закона: «Чиновнику в селе надо иметь живот величиной в село» (д); «Не подходи

к чиновнику, когда разбогатеешь, он сам подойдет» (н). Отношение к местным правителям было таким же. Их деятельность была настолько враждебной народу, что они являлись, по верному свидетельству летописца Шамиля, «для своего народа обнаженными саблями». ⁴³

Несмотря на социально-политический гнет, бесправие и рабский труд, горцев Дагестана никогда не покидала надежда на лучшую жизнь. Беззащитный горец, «у которого глаза на воле, тело в не-всле» (лз), который знал, что «руки и ноги можно связать, но сердце не свяжешь». (лз), не переставал на протяжении веков создавать в идеале то, чего он был лишен в действительности. Яркое доказательство этому — народные пословицы. Мысли народных масс Дагестана даже в мрачных условиях эксплуататорского строя устремлены к завтрашнему дню, к будущему. Народные пословицы Дагестана красноречиво говорят о неугасимом оптимизме. «Не увидя светлого дня, и собака не околеет», или: «Не всегда луна остается за тучами» — говорили лезгины. В другом варианте: «Не увидев света, и слепой не умрет». Аварцы и даргинцы тоже твердо верили в это: «Каким бы трудным день не был, а вечер настанет». И пословица предупреждает классового врага трудового крестьянства гор: «Что ветром занесено, рекою унесется», «Без труда нажитое добро через двери войдет, через окно выйдет» (тб).

Особой художественной силы и реалистической глубины достигают пословицы, в которых звучит недвусмысленный призыв к прямой расправе над тиранами, уверенность в том, что конец деспота никогда не будет благополучным. Такие пословицы исполнены глубокой сатиры.

«Грабителю пустое достанется» (тб),

«Кто совершил зло, на его же голову оно и придет» (тб),

«Бедствие, постигшее угнетателей — оплата их труда» (лк),

«Жестокий человек естественной смертью не умрет»,

«Бешеная собака больше сорока дней не проживет»,

«Кто замышляет злое, сам хорошо не кончит»,

«Веку насильника — долгим не быть» (д).

Общественное мнение народа, воспитанное на таких пословицах, способствовало росту бунтарских, свободолюбивых чувств у горцев, пробуждало у них революционное отношение к действительности.

Народ, доведенный извечным глумлением и грабежами до состояния «общипанного петуха», ⁴⁴ иногда приходил и к мысли о необходимости расправы над насильниками. «Деспотичного пусть и во всей стране не останется», — говорили табасаранцы.

⁴³ См. Р. Магомедов. Легенды и факты.

⁴⁴ Из популярного в Табасаране рассказа о том, как один из крестьян отправился в Тифлис к царскому наместнику с общипанным живым петухом, демонстрируя этим, какому жестокому грабежу подвергал их бек.

Анализируя пословицы, разоблачающие социальные язвы дореволюционной дагестанской действительности, нужно отметить, что афористическое творчество Дагестана о социально-классовых взаимоотношениях разнородно. Наряду с сильными сторонами в таких пословицах запечатлены и некоторые черты отсталой, рабской психологии части крестьянства, забытой феодально-патриархальной действительностью, привыкшей к покорности и терпению. Характеризуя эту прослойку крестьянства, В. И. Ленин писал: «Раб, не сознающий своего рабства и прозябающий в молчаливой, бессознательной и бессловесной рабской жизни, есть просто раб. Раб, у которого слюнки текут, когда он самодовольно описывает прелести рабской жизни и восторгается добрым и хорошим господином, есть холоп, хам».⁴⁵ С сатирическим пафосом, свойственным лучшим произведениям дореволюционной афористической поэзии, дагестанские пословицы разоблачают «людей холопского звания» (Н. А. Некрасов). Ненависть к ним иногда несколько не слабее, чем к представителям господствующих классов. Это весьма знаменательный факт, свидетельствующий о верности пословичных суждений горцев о явлениях классового общества. «Хотя добро — богача, душа и у скупого болит», — так говорили табасаранцы, когда нищий батрак излишне радел за богатство своего хозяина. И пословица иронизирует: «Жизнь глупца-бедняка проходит в подсчетах добра богача».

Дагестанские народные пословицы о социально-классовых взаимоотношениях отличаются пестротой содержания, многообразием оттенков, иногда противоречивыми суждениями. Но основную их массу составляют пословицы, в которых отразилось народное мировоззрение и гневно звучит народная сатира, высмеивающая врагов трудящихся.

3. Антирелигиозные и антиклерикальные пословицы народов Дагестана

В социально заостренном народном творчестве горцев Дагестана особое место занимают сатирические пословицы и поговорки, бичующие религию и духовенство. Здесь уже совершенно нет места отголоскам мировоззрения господствующих классов. Такие пословицы в корне расходятся с исламской идеологией и выражают сокровенные чувства и думы трудового народа. Богоборческая мысль, своеобразно пробивающаяся в таких пословицах, свидетельствует о никогда не затухавшем споре народа с исламскими проповедниками, тянувшими народ к мюридизму и национальной розни.

Идеологи мусульманской религии в горах Дагестана были в XVIII—XIX веках фанатиками, оторванными от жизни. Но они

⁴⁵ В. И. Ленин. Сочинения, т. 13, стр. 36.

хорошо знали, какую силу представляет афоризм, это сконцентрированное поучение. И они использовали многозначность пословиц, переделывали их, старались противопоставить народной афористической морали свои религиозные поучения. В таких пословицах, служивших интересам господствующих классов, творцом всего сущего, всевидящим и всезнающим источником всей жизни выступал аллах: «Из-под власти аллаха уйти нельзя»; «Не испытывай предписанного богом, человек в могилу не уйдет». Афоризмы эти, в которых наиболее «крепко сжата церковность» (М. Горький), ставили задачей внушить горцам, что судьба каждого человека predeterminedена, что общественное зло, социальное неравенство установлены извечно, самой судьбой. Табасаранские церковники поучали: «Бог создал людей вместе с пищей для них», «Бог даст — люди не отнимут». Аллах, создавший людей, заранее predeterminedил для каждого земную долю так, что один живет вольготно, «как червь в сале», а у другого «из дому и крючком ничего не вытащишь» (лз).

Так учила мусульманская религия и утешала верующих блаженствами загробной жизни. Но прикованный к земле и удрученный земными заботами горец не особенно тревожился о загробной жизни. Поражает отраженное в пословицах полное его равнодушие и к загробной жизни, и зачастую к самой религии. Более того, горец как бы отмахивается от надоедливых проповедей церковников и противопоставляет посулам загробной жизни по сути совершенно безбожные пословицы: «Прожить бы умным на этом свете, быть бы глупым, чтоб надеяться на тот» (а); «Пусть аллах меня осилит, — лишь бы я землю осилил» (тб). Всю религиозную утешительную пропаганду такие пословицы сводят на нет и явно отдают предпочтение пусть маленькому, но земному счастью, а не сверкающему, но эфемерному счастью райских гуррий.

Горское духовенство пугало народ за грехи против собственности и религии на этом свете, но всем этим преследовало цель устроить для себя рай не на небе, а на земле. Реакционные пословицы «Кто смог съесть, кто съест этот мир?» (лк), «Против чего нет лекарства — это против часа рокового, человека что губит — это мечта» (а) — имели целью отвлечь горца от борьбы за свои человеческие права, заставляли его склониться под бременем невыносимых забот, отучали от жалоб и недовольства. Народу внушалась мысль не только о всетерпении бога, но и о его милосердии, всемилостивости: «Своего раба только сам бог знает» (лк), «Человечность — от бога, подлость — от друга» (тб). Но существовала и более выразительная пословица, перечеркивавшая благочестивые восхваления бога: «Добрый бог зла не совершит» (а, лк). А зло совершалось каждодневно, оно было всюду и везде и горец, ощущая это, не очень верил в образ того «доброго» и «милосердного» бога, которого превозносили муллы.

Мусульманские афоризмы были «духовной сивухой» (В. И. Ленин), отравляющей сознание трудового народа и от этой «сивухи» отрезвляла подлинно народная антирелигиозная и антимулльская пословица.

Горское духовенство умело использовало малейшую возможность, чтобы, одурманив горца религиозной «сивухой», разжечь его фанатизм, сделать его слепо преданным аллаху мусульманином. И когда духовенство пускало в ход религиозные афоризмы, оно акцентировало внимание не на том, что относилось к области материального, а лишь на психологической стороне вопроса. Муллы призывали горцев к нравственному совершенствованию:

«Бог смотрит не на твою руку, а на твое сердце» (лз);

«Совершив добро, бросай в море: оценит — рыба оценит, нет — бог оценит» (тб, лз). Лжегуманистическая сущность морали всепрощения, выраженная в этих пословицах, ясна без комментариев.

К подобным афоризмам народ, однако, подходил часто по-своему. Он вносил в них свои коррективы, изгонял то, что при- тупляло народный протест против рабства. Так, последняя из вышеприведенных пословиц гораздо популярнее в народе в очищенном от религиозной откровенности варианте: «Совершив добро, бросай в море, оценят — люди оценят, нет — рыбы оценят» (тб). От бога в такой форме пословицы не осталось и следа.

Этот процесс переделки пословиц говорит о том, что столкновение морали старого мира и неумолимо наступающего нового характерно не только для современности, но и для прошлого. Старая мораль, становясь бессмысленной, отступала. Утверждалась новая высокочеловечная нравственность, мысль о товариществе и дружбе в труде и социальной борьбе.

О борьбе народной идеологии с реакционной, разгоравшейся еще во время господства угнетателей, нередко свидетельствуют сами пословицы. «Курица (сперва) воду пьет, (а потом) на бога посмотрит» — говорит табасаранская пословица и в ее двусмысленности, в том, что нами отмечено в переводе скобками, ощущается ирония: сперва, мол, надо подумать о пище, потом уж воздевать в молитве руки кверху. Возникает и такая мысль: не в том ли сказывается насмешливое отношение народа к призывам о молитве, что пословица рисует молящимся не человека, а курицу? Мысль о вольнодумии, заключенном в этом образе, подтверждается и сугубо реалистической пословицей: «Сколько вверх не смотри, во рту хлеба не окажется» (лз; вариант: «От того, что будешь смотреть в небо, в рот яблоко не упадет»).

Дагестанская пословица не только свидетельствует о настроениях полного равнодушия к религии, но порой посягает даже на самого аллаха. Бог в пословице всегда немилостив именно к немущим. Это подчеркивают и аварская, и даргинская, и таба-

саранская пословица: «Бедняка и бог не любит», «Бедняк и богу надоедает».

Как видим, корни мусульманской религии в душах горцев укоренились за пятисотлетие внедрения ислама не особенно глубоко. Средневековые арабские путешественники, летописцы ислама, а позже сам Шамиль с недовольством говорили о слабости веры в горской среде. В книге «Легенды и факты» проф. Р. Магомедов приводит документальные свидетельства того, что «горцы были плохими мусульманами». «По отзыву капитана генштаба Норденштамма, «за веру они не думали подвергать себя и свои семейства опасности». ⁴⁶ Известный соратник Шамиля, его мемуарист Магомед-Тагир именно безверием горцев оправдывал необходимость зверств, которые чинили в аулах мюриды, вводя шариат: «Применение силы оказалось необходимым: одни слабо придерживались ислама, другие совсем забыли его, большинство же народа совершенно безучастно относилось к делу спасения своих душ... Словом, истинно верующих было мало». ⁴⁷ Факты говорят, что только паразитическая горская верхушка ревностно защищала ислам. Трудовое крестьянство гор лишь механически, по призыву отправляя религиозные обряды, не ощущало на себе «добродетельности» бога и соответственно этому выражало свое отношение к нему. Горская пословица гласит: «Как аллах на слепого посмотрит, так и слепой на аллаха посмотрит» (тб, д). Лишь в момент особенно тяжелой физической и моральной подавленности горца можно было склонить к поискам утешения в религии. Пословицы говорят: «У кого есть нечего, тот уразу держит, а кому делать нечего — молится» (к); «Мусульманин постится, когда есть нечего» (лз).

Пословиц, которые содержат мысль об уповании на аллаха, у горцев немного. Но зато во многих пословицах то в форме внешне безобидной шутки, а то и в прямом несогласии с религиозными утверждениями народ выражает свое истинное отношение к богу. Суровые условия трудового быта, постоянное соприкосновение с отрезвляющим миром лжи и обмана, бесконечная нужда и нищета научили горцев реалистическому подходу к явлениям действительности, способствовали формированию «вполне ясных признаков стихийно-материалистического мышления» (М. Горький).

Борьба за жизнь и житейский опыт воспитывали в народе трезвый ум и наблюдательность. Общественно-производственная практика придавала дагестанскому пословичному творчеству подсознательно богоборческий, атеистический характер. Религиозной мистике и фанатизму пословица противопоставляла здравый смысл: «Не дашь пятнадцать рублей, и аллах не даст тебе быка» (к); «За скатертью чем бисмилла хлеб важнее» (тб).

⁴⁶ Р. Магомедов. Легенды и факты. Махачкала, 1963, стр. 36.

⁴⁷ Там же, стр. 37.

Пословица, как и горская сказка, упорно не хочет следовать религиозной заповеди, согласно которой верующие должны начинать все прежде всего с молитвы. Лезгинская пословица говорит: «За пустым столом молитву не читают», а табасаранская тут же как бы поясняет: «Оттого, что скажешь «бисмилла», желудок не станет полным». Еще образнее утверждает эту мысль пословица «Кошка мышку стережет не ради аллаха, а ради брюха» (лк, лз). Подобное же утверждение в несколько ином словесном облачении существует и у табасаранцев: «Ради саваба⁴⁸ и кошка не ловит мышку». Такого же типа пословицы: «Не наевшись, и лиса не молится» (тб), «Аллах аллахом, а сыт будешь, если в хурджунае запасаешься едой» (а). Насмешка и даже оттенок издевки над богом звучит в аварской пословице, стилистически пародирующей утверждение корана: «Нет бога, кроме бога, а курдук и грудинка — мне». Полна иронии и лакская пословица «Сначала осла привяжи, а потом поручай богу».

В пословице и сказке аллах нередко изображается существом, явно жестоким и мстительным, мелочным и злым. Отсюда и ирония.

Но еще больше иронии в пословицах и поговорках, говорящих о служителях аллаха на земле. В дагестанских пословицах создан как бы единый обобщенный образ такого наиболее характерного представителя мусульманского духовенства, как мулла. Нарисован он средствами реалистически правдивого воспроизведения самых существенных сторон мулльской натуры.

В пословицах в оценке муллы всегда сквозит оттенок недоверия к нему. «Сспросят о мулле, глядя вверх — подумай, глядя вниз — хвали» (лз, к) — говорит дагестанский крестьянин.

В разоблачении мулл дагестанская пословица беспощадна. Народные пословицы рисуют муллу себялюбивым, эгоистичным, хитрым: «Для себя у муллы — столбовая дорога, для остальных — узкая тропа» (а); «Мулла для себя дорогу найдет»; «Мулла себя всегда оправдает» (к); «Деньги научили муллу говорить» (тб), т. е. мулла очень продажен (поговорка пошла от сказки).

Меткая и суровая оценка дается народом поведению, повадкам муллы: «С пустыми руками к мулле пойдешь — с горем обратно придешь», «Мулла даже с чистой воды сметану соберет» (тб).

Муллы произвольно толковали коран и мусульманское вероучение. И народ подметил за этим жажду наживы: «Мулле «дай» скажешь — не услышит, «на» скажешь — сразу руку протянет». Интересно сопоставить эту пословицу с лакским анекдотом, приведенным в прошлом веке А. Омаровым в «Воспоминаниях мута-

⁴⁸ Саваб — отпущение грехов за богоугодные дела (антоним слова «гунаг» — грех).

дима»: «Мулла утонул в реке. Пришедший на помощь кричал ему: «давай руку! давай руку!», а мулла все прячет свои руки и несется по течению. Другой, прибежавший тоже на помощь, кричит: «на руку! на руку!» Тогда мулла схватился обеими руками за протянутую к нему руку и спасся от гибели». ⁴⁹

Безжалостно высмеивает пословица сребролюбие и продажность мулл: «За деньги не только мулле, но и весь шариат купишь» (лз); ср. с русск. «Деньга попа купит и бога обманет».

Мулла в горских пословицах — алчный вымогатель и грабитель бедноты: «От «не хочу» говорящего муллы спасенья нет» (д); «Алчность муллы в десять раз больше бывает» (тб). Не случайно даргинская пословица предостерегает: «Подал мулле руку, проверь кольцо — цел ли камень». А табасаранцы, словно объясняя причину этого предостережения даргинцев, говорят: «Глухому — не страшно, мулле — не стыдно».

Ничто так уничтожающе резко и саркастически не осмеивается в муллах, как подмеченное пословицей их чревоугодие и сладострастие: «Сытый мулла хуже голодного волка»; «При виде халвы мулла забывает бога» (лк, лз, тб); «Мулла лука не ест, а найдет — и шелуху не оставит» (лз, тб, к); «В горах муталим падок до мяса, у нас на жен» (к). Ср. с поговоркой «Алиф, би ⁵⁰ — туда подальше, куски пирога — сюда поближе». Эта табасаранская поговорка пародийно высмеивает муллу, которому муталим (ученик) по обычаю должен был после прохождения азов корана преподнести большой пирог. Очень характерна и такая табасаранская пословица: «Хочешь нравиться богу, имей минарет, хочешь нравиться мулле — имей котел» Подобна ей и пословица: «Кто к плову близок, так это мулла» (тб, лз). Не случаен такой вывод: «Где падаль — там ворон, где покойник — там мулла» (а).

Поднимаясь до широких социально-художественных обобщений, пословица противопоставляет два образа — светлый образ певца народных дум, любимого горцами ашуга и образ ненавистного бедноте муллы: «Где музыка, там радость; где ученый мулла, там беда» (н); «И укор певца лучше похвалы муллы» (а); «Ашуг рад свадьбам, мулла похоронам» (т). Противопоставление певца мулле весьма символично. Оно воплотило в себе представления горцев и о поэзии, и о религиозных обрядах и является признаком осознания народом враждебности духовенства искусству.

Ашуг, певец народа, заступник бедноты, в жестоких условиях дореволюционной дагестанской действительности боролся за земные радости, противопоставляя земную песню басням о «райских

⁴⁹ «Сборник сведений о кавказских горцах», Тифлис, 1868, вып. 2, раздел VI, стр. 62.

⁵⁰ Алиф, би — начальные буквы арабской азбуки.

садах» (Махмуд из Кахаб-Росо), способствовал, подобно С. Стальскому, пробуждению в людях лучших человеческих стремлений, воспитывал ненависть к эксплуататорам. Мулла же, напротив, звал людей к фанатизму, убивал в них волю к борьбе за счастье на земле. Это породило в горских фразеологизмах страшные проклятья, направленные очень часто против муллы. Таково записанное еще в 60-х годах прошлого века П. Усларом лезгинское проклятье с его же комментарием: «На твою голову пусть мулла сядет»; мулла обыкновенно находится при умирающем, чтобы читать молитвы». ⁵¹ Нужно признать вместе с тем, что в обстановке утверждения шариатских предрассудков в Дагестане существовало и такое проклятье: «Чтоб для тебя мулла не отыскался! ⁵², т. е. умри ты без всяких молитв (лз).

Следует отметить, что социальное неравенство сказывалось и на проведении похоронных обрядов в горах. Это не ускользнуло от внимания пословиц и поговорок. Лакская поговорка говорит: «Богатый и похороны деда справляет, а бедный не может похоронить и родного отца».

Подходя к общим выводам о роли антирелигиозной направленности пословиц, мы должны признать, что в дагестанском фольклоре сложились глубокие антиклерикальные традиции и что эта часть пословиц особенно наглядно выражает стихийно-материалистические взгляды народа, выработанные и всем его опытом и острой классово-борьбой. Такие подлинно народные пословицы и сегодня помогают в борьбе против пережитков старины, помогают коммунистическому воспитанию подрастающего поколения.

4. Народная практическая «философия» в дагестанских пословицах и поговорках

В. И. Ленин, как свидетельствует В. Д. Бонч-Бруевич, как-то подчеркнул, какой благодатный материал для изучения мирозерцания народа содержится в народном творчестве. «Это куда более интересно,— говорил В. И. Ленин,— чем так называемая «философская» дребедень многих и многих наших философов из буржуазной интеллигенции. Неужели не найдется охотника среди марксистов-философов все это рассмотреть и обо всем этом написать связанное исследование? Это обязательно нужно сделать. Ведь это многовековое творчество масс отображает их мирозерцание в разные эпохи». ⁵³

Это важное указание В. И. Ленина все еще недостаточно учитывается исследователями, хотя, правда, в русской фольклористике среди работ о философских воззрениях народных масс.

⁵¹ П. К. Услар. Этнография Кавказа. Кюринский язык.

⁵² Там же.

⁵³ В. Д. Бонч-Бруевич. Ленин об устном народном творчестве. «Советская этнография». № 4, М., 1954, стр. 120.

отраженных в фольклоре, можно отметить работу В. И. Чернова.⁵⁴

Пословицы, выражающие философские воззрения народа, вызваны к жизни не умозрительным постижением сущности явлений объективного мира, а практикой повседневного быта трудящихся, конкретными запросами и стремлениями человека. Представляя собой единство общего и частного, конкретного, дагестанские пословицы и поговорки являлись и являются выражением реалистических взглядов народа, выраженных не в отвлеченных понятиях и категориях, а в конкретной образно-поэтической форме. Но тут есть и определенная связь, — материалистическая философия издавна была в согласии с народным реалистическим мышлением, со здравым смыслом и практицизмом, присущими народным массам.

Трудящиеся Дагестана отразили в пословицах свои представления о материальности мира, о его объективной реальности, независимой от воли человека («Мир не нами начался, не нами кончится» — *тб*), о непрерывном движении, развитии и изменении («Пепел не вспыхнет, прошлое не вернется», «Мир всегда в одном состоянии не остается», «Вода уходит, камни остаются», — *а*; «Воду в реке не остановить», «Что прошло, того не догонишь» — *лз*; ср. с известным греческим изречением, связываемым с именем Гераклита: «В одну и ту же реку дважды не войдешь»; «Щенок станет собакой, а собака — старой», — *к*, т. е. все течет, изменяется), в пословицах есть, наконец, гениальные догадки о реально происходящих процессах вечного обновления и отмирания («Если один умрет, то один и воскреснет», «Кто родился, тот и умрет» — *д*; «На все живое есть смерть» — *к*).

Мысль о застое, неподвижности чужда горцам, потому что задержка в движении, развитии вредно сказывается и на практической деятельности трудящихся. Пословица сатирически бичует все, что порождает в человеке безактивность и слабоволие: «В стоячем болоте и вода гниет», «В стоячей воде много микробов разводится» (*тб*), ср. с лезг: «Стоячая вода воняет», «Лежавший лев с голоду сдох, ходивший (имеется в виду на охоту) шакал разжирел» (*лз, тб*).

Реализм и практицизм народных масс, трезвость ума в вопросах жизни и смерти уживались порою и с ложными представлениями, навеянными фаталистическими представлениями мусульманской религии и учением о божественном предопределении. Об этом говорит последняя из вышеприведенных пословиц. Показательны в этом отношении и такие афоризмы: «Смерть времени не имеет» (*тб, лз*, — то есть она неожиданна), «Нельзя уйти от того что предусмотрено судьбой» (дословно: от того, что на голову придет) — *тб, к*.

⁵⁴ В. И. Чернов, Философия и фольклор. Саратов, 1964.

В практическом опыте народа встречаются наблюдения и о категориях качества, о переходе количественных изменений в качественные, о превращении старого качества в новое: «Капли за каплей — озеро образуется, поток за потоком — река образуется» (тб), «Зерно к зерну собирай — мешок получится» (тб, лк) — ср. с русск.: «С миру по нитке — голому рубашка», «Моча мыши — морю помощь» (тб) — ср. с бурятск.: «И моча лягушки есть дополнение к морю».⁵⁵ Такова же кумыкская пословица «Лягушка плюнет — в болоте воды прибавится».

Своеобразно отражены в пословицах стихийно-материалистические представления о единстве противоположностей, причине и следствии и т. д. Горское афористическое мышление заключает в себе, в частности, замечания о связи взаимоисключающих начал, об их единстве: «Где подъем, там и спуск» (д), «Нет пользы без вреда» (тб), «Впереди хорошего — плохое, впереди плохого — хорошее (а), — ср. с табас.: «Не бывает зла, за которым не следовало бы добро». Не все, естественно, в этих суждениях верно. В последней пословице связь между добром и злом представляется как простое следование одного за другим.

Одним из проявлений народных воззрений о связи явлений являются понятия о причине и следствии: Народ не сомневается в объективном, реальном существовании причины и следствия: «Соль съевший и воду попьет» (тб), «Кто съел мерку соли, пусть выпьет бассейн воды» (лк), «В небесах тучи — на земле дождь или ненастье» (д).⁵⁶ Показательно, что в языках всех народов Дагестана имеются слова для обозначения причины. Приведем лишь табасаранский пример: «Гъар ляхнин багъна шул, багъна дару аьжалра даршул» («Всякое дело свою причину имеет, без причины и смерти не бывает»). Тут «багъна» — причина. Такое же слово существует в лакском, лезгинском и даргинском языках. Пословицы подчеркивают всеобщий характер причины и следствия. Общеизвестная русская пословица «Без дыма и огня не бывает» является общедагестанской, и она явно обобщает безграничное множество явлений, подчеркивает всеобщий характер высказанной мысли.

Нужно отметить и еще одну сторону стихийно-материалистического мышления горцев. Это представление о времени как о явлении, существующем объективно и ни от чего и ни от кого не зависящем: «Все ждут времени, но время ни на что не смот-

⁵⁵ М. П. Хамаганов. Очерки бурятской афористической поэзии. Улаи-Удэ, 1959, стр. 110.

⁵⁶ Ср. с пословицами других народов Кавказа. Цитируем по сб. «Пословицы и поговорки народов Востока» (М., 1961): чеченск. — «Без тучи на небе дождь не пойдет, без горя на сердце глаз не заплачет», азербайдж. — «В трусливый глаз соринка попадает», грузинск. — «Коль ты перца не ел, так отчего же рот горит», арм. — «Листок без ветра не шелохнется» (эта пословица адекватна лезг.: «Ветер не подует — ветка не шелохнется»).

рит» (тб), «Если время за тобой не следует, сам следуй за временем» (а, к). А. Ф. Назаревич считает возможным книжное, библейское происхождение этого афоризма. Дагестанские пословицы советуют не заблуждаться в суждениях о времени, не воспринимать отдельные несущественные признаки как существенные: «Из-за того, что стадо не вернулось, вечер не останется наступившим», «Если петух и не пропоет, утро все равно наступит» (тб, лз).

В свете всего отмеченного выше следует оценивать и пословицы: «При переходе через речку узнают, кто черный и кто белый», «Кто не испытывал плохое, тот не поймет смысла хорошего» (тб), «После того как арба разобьется, дороги находятся», «В кого не попало, тому не бывает больно», «Кто не пробовал горькое, тот не знает, что такое сладкое» (к, лз, д, тб) и т. д.

Повседневная практика, реальное столкновение с действительностью, испытание в критические моменты — вот обстоятельства, в которых, по дагестанским пословицам, проверяется истинность тех или иных взглядов, выявляется определенность человеческих характеров, их подлинная сущность. Однако неправильная реакция на факты действительности, с которыми человек сталкивается, может привести и к нелепым заблуждениям, и пословица отмечает это с обязательным оттенком иронии: «Кого змея ужалила, тот и веревки боится» (лз, тб, к), «Кто обжегся на молоке, тот и на айран (кислое молоко) подует», «Обжегшийся и на замерзшее подует» (тб). Необходимо уметь различать внешнее, поверхностное и внутреннее, существенное — как бы говорит пословица. «По цвету нельзя узнать о вкусе» — учит табасаранская пословица. «Оттого, что блестит, что попало золотом не бывает», «Оттого, что изменили имя больного мальчика, он не станет здоровым» — утверждает пословица, опровергая сложившиеся в горах под воздействием суеверий обычаи.

Такова весьма общая картина того, как дагестанские пословицы отразили признаки материалистического мышления горцев.

Аристотель говорил о пословицах: «Они... суть остатки древней философии, теряющейся среди величайших утрат человечества, и сохранены по своей краткости, красоте и остроумию». ⁵⁷

Надо, однако, полагать, что пословицы с наивно реалистическими взглядами горцев на мир, являются наследием не только древних эпох, но и всей последующей многотрудной истории освоения человеком явлений действительности.

Исторический анализ пословиц с «философскими» суждениями свидетельствует о том, что мирозерцание, отраженное в этих пословицах, настолько же сложно и противоречиво, насколько сложной была сама действительность, породившая эти послови-

⁵⁷ Цитируем по книге И. Снегирева «Русские в своих пословицах», кн. 1, стр. 120.

цы. Мусульманская религия всячески использовала трудности и в познании окружающего мира. Вместо истинных знаний, которых народ добивался в процессе мучительных сомнений и ошибок, она забивала сознание масс «божественными истинами». Их отражением является такая «философия»: «То, что суждено одному, другой не может съесть», «Умрет не тот, кто болен, а тот, кому суждено умереть» (тб). Таких пословиц, пронизанных фатализмом, являющихся результатом влияния идеологии господствующих классов и отражающих зависимость человека от сил природы и социального зла в общем фонде дагестанской афористической поэзии сравнительно немного. В наши дни и это немногое совершенно выходит из употребления.

5. Дагестанская афористическая поэзия в советской действительности

В наше время традиционные пословицы самим народом подвергаются «естественному отбору». Целиком сохраняется то, что благодаря своему прогрессивному социально-политическому звучанию и общечеловеческому содержанию имеет свое актуальное значение и в наши дни.

«Для народа — нет смерти» (лз), «Как решит народ, так и будет» (к), «Слово джамаата — сильнее, чем сабля героя» (д), «Не быть тому над джамаатом, у кого нет ума джамаата» (а), «Джамаат захочет — и войлочный кол в землю войдет» (тб, к), — во всех этих пословицах центральное место занимает образ народа, образ джамаата как олицетворения мощи коллектива. Именно демократическая идейная направленность такого типа пословиц была причиной их нестареющего долголетия. Они приобретали особую злободневность и огромную моральную силу и в годы ожесточенной борьбы за Советскую власть. «И сталь плавится, если есть сила огня, и враг ослабевает, если людей много»; «Войску, не имеющему вождя, не выпадет счастья»; «Изменнику лучше быть в земле, чем на земле»; «Тот, кто расскажет о войске, пусть будет всенародно сожжен». Эти старинные аварские пословицы по-новому представляли перед бойцами революции и в тяжелые дни борьбы с бандами Гоцинского и Узун-Гаджи, и в обстановке борьбы с внешней контрреволюцией.

Не теряет свое значение в советскую эпоху и масса дагестанских пословиц о патриотизме, о труде и дружбе. Таковы пословицы: «Каждая птица свое гнездо любит» (лк), «Кто разлучился с любимой, будет плакать семь лет, кто разлучился с родиной — всю жизнь» (лз), «Только труд кормит человека» (лк), «Будете дружно работать, будет работа легка» (тб).

О дагестанских традиционных пословицах, воспринятых от прошлого и нынешними поколениями, можно с полным основани-

ем сказать словами проф. Ю. М. Соколова, что это — «отзвук прошлого, но в то же время громкий голос настоящего». ⁵⁸

Но афористическое творчество народов Дагестана после Великой Октябрьской социалистической революции не ограничивается освоением древнего наследства. Много пословиц и поговорок возникло уже после революции и являются отражением новых явлений и процессов общественной жизни, труда и борьбы горцев при новом общественном строе.

Пословицы и поговорки, созданные в советское время, по своей идейной направленности представляют собою качественно совершенно новое явление. Это проявление творческой мысли уже не поработанного, а свободного народа, и это определило идейно-художественное звучание новых пословиц. В отличие от дореволюционного дагестанского афористического фольклора, в котором наиболее сильны были мотивы разоблачения и осуждения социальных язв классового общества, пословицы советской эпохи характеризуются прежде всего пафосом утверждения существующего строя, идеями защиты и прославления революционных завоеваний. «Хозяин земли — не хан, не бек, а трудящийся человек», «Нет больше господ, — их смело море» — говорят лезгинские крестьяне, выражая всеобщую мысль о победе людей труда над угнетателями.

В пословицах народов Дагестана, как и во всем фольклоре, много внимания уделяется мысли о Ленине. Ленин в горском фольклоре рисуется как великий освободитель, который первым стал уважать в горах их чувство собственного достоинства. «Ленин первый людьми нас назвал» — эти слова из народной песни приобрели в горах силу пословицы. Революция раскрепостила духовные силы народа, дала небывалый толчок их бурному развитию, и все это народ связывает с именем Ленина. Характерно высказывание, приводимое Эффенди Капиевым в статье «Эпос горских народов о Ленине»: «Ленин дал право певцам петь о чем угодно, и они все запели о нем». ⁵⁹ Эти слова прекрасно выражают всю глубину народной признательности своему вождю.

Одной из характерных тем дагестанских пословиц советского периода является тема дружбы с великим русским народом. Эта тема, правда, находила отражение и в дореволюционном фольклоре, в частности в самом факте заимствования пословиц из русского фольклора, но за годы Советской власти она приобрела исключительно актуальное звучание.

Трудящиеся Дагестана еще в прошлом веке с уважением отзывались о высоких моральных качествах русского человека. В горах утвердился фразеологизм: «Если русский, то справедливый». В оригинале эти слова связаны внутренним созвучием.

⁵⁸ Ю. М. Соколов. Русский фольклор. Учпедгиз, М. 1941, стр. 14.

⁵⁹ Эффенди Капиев. Избранное. М., 1959, стр. 614.

и это, а также краткость афоризма, тоже способствовало широкой распространенности афоризма («Орусдур — дурусдур» — *к*). По идейному содержанию близка к этой и пословица «Голубоглазый на семь гор дальше увидит» (*д*). Здесь тоже речь идет о русском человеке и подмечается мудрость, опытность и высокая сознательность людей, в которых горцы видели своих вожakov на пути к революции.

В советских дагестанских пословицах сохранилась и извечная тема крестьянского труда. Но трактовка этой темы в наше время коренным образом отличается от ее трактовки в дооктябрьских пословицах. В обрисовке последних труд предстает перед нами как изнурительное и тяжелое бремя не только в силу низкого уровня сельскохозяйственных знаний и техники, но главным образом из-за того, что это был труд подневольных крестьян-батраков, раятов. Иной характер носят дагестанские советские пословицы на эту тему. Труд в них — это важнейшая жизненная потребность, источник общественного изобилия и фактор, облагораживающий человека. «Инсандин девлет — марци зегъмет ву» — «Богатство человека — это честный труд» (*тб*), так как «Когда народ — хозяин, тогда приходят изобилье и свобода» — «Халкь гьяким вуйиган азадвалра аваданвалра шул» (*тб*).

Коммунистический лозунг «Кто не работает, тот не ест» у всех народов Дагестана породил различные варианты. Табасаранская пословица, в частности, говорит: «Лихара—ипара, дилихана—дирипара» — «Поработаешь—поешь, не поработаешь—не поешь».

Как кровное, жизненно важное дело давно уже воспринята в горах коллективизация сельского хозяйства. «Колхоз пришел — горе исчезло» — «Колхоз гелди—дерт гетди» (*к*) — такой меткой пословицей выразили горцы свое отношение к колхозам. В этом же семантическом ряду находятся афоризмы: «Коллективный труд плодотворным бывает, колхозный котел жирным бывает»; «Когда колхозный котел жирный, то дом изобилием богат бывает»; «Если в колхозе лад, то обильным будет урожай» (*д*).

В пословицах периода коллективизации выделяются такие, которые с сарказмом обличали кулаков. Горцам особенно близка мысль о необходимости непримиримого отношения к кулакам так же, как в свое время к ханам и бекам. Вот пословицы этой темы: «Опора (столб) баев совсем сломалась, — в кулаков веры нет»; «И грязь, и ил — одно и то же, и кулак, и бай — одно и то же» (*к*); «Волка к овцам, кулака к колхозу близко не дпускай» (*лз*); «Охраняй дом от вора, а колхоз от кулака» (*д*). Пословицы учат бдительности к врагам колхозного строя, призывают бороться с лентяями, белоручками, болтунами: «Хочешь вдосталь пшеницы, охраняй колхоз от вредителей» (*тб*).

В новых пословицах отразились огромные изменения в технике сельскохозяйственного производства, скачок от примитивных

орудий земледельческого труда к самым совершенным машинам, комбайнам: «Деревянный плуг исчез, трактором пашем поле» (лз).

Не остались незамеченными в пословице культурные преобразования в горах. И это тоже связывается с трудом. «Наука и труд — близнецы-братья», — говорят даргинцы. Исключительная любознательность, тяга к знаниям, высокое уважение к людям науки — эти драгоценные свойства являются традиционными в характере горца. Об этом свидетельствует и пословица. «Одно слово мудреца, — говорят лакцы, — лучше, чем полный двор богатства». В дореволюционном Дагестане наука была недоступна простым людям, физический и умственный труд находились в разладе между собой. Только Советская власть раскрыла перед горцами все дороги к овладению знаниями, к повышению духовного уровня, к расширению кругозора советского человека. Горец окончательно убедился, что «человек без образования — слеп» (д).

Особое место в фольклоре советской эпохи занимают пословицы, рожденные в годы Великой Отечественной войны. Пословицы звали к стойкости и мужеству, воспитывали ненависть к фашизму, любовь к охваченной военными пожарами Родине и ее столице — Москве. Вот дагестанские пословицы военных лет: «Ради правды шагай прямо» (к), «За правое дело иди в самое пекло войны» (д), «Гьор гьара, Гитлер бара!» — «Ура!, Ура! Гитлер бежит» (к).

Вспоминались в годы войны и старые пословицы, отвечавшие обстоятельствам военного времени. Подтверждением этому могут служить записные книжки Эффенди Капиева. Далекое не случайное, например, пословица из второй записной книжки Э. Капиева (за июль 1942 года), выделяющаяся среди множества других: «Герой умирает однажды, а трус — сто раз» (черкесская песня)⁶⁰, ср. с адекватной аварской пословицей: «Храбрец умирает раз, а трус — тысячу раз». В двадцатой записной книжке за декабрь 1943 года, когда наступил перелом в ходе войны, Капиев записывает: «Горская пословица: «Когда волк попадает в яму, он говорит козлу «брат мой»».

Изучение дагестанских советских пословиц и поговорок, как видим, свидетельствует о том, что процесс возникновения пословиц, вопреки утверждениям буржуазных ученых прошлого века, не замедляется с развитием образования и культуры, — этот процесс продолжается и будет продолжаться до тех пор, пока будут существовать живые языки, цветом которых является пословица.

6. Художественная форма дагестанских пословиц и поговорок

Пословицы всех народов мира отшлифовывались веками, и в них достигнута в результате совершенная гармония содержания

⁶⁰ Эффенди Капиев. Избранное, М., стр. 429.

и формы. Это относится и к дагестанским пословицам и поговоркам. Они кратки, благозвучны и часто поражают глубиной мысли. В результате они выделяются в разговорной речи и легко запоминаются. Примерами могут быть такие кумыкские пословицы: «Хан сындырса — къаза, халкъ сындырса — жаза» («Хан ломает — судьба, случай, народ ломает — наказание»); «Обгюз оьлсе — эт, арба сынса — от» («Бык погибнет — мясо, арба ломается — огонь»); «Къуру къолгъа къуш къонмас» («На сухую, т. е. пустую руку птица не сядет»).

Сжатость и одновременно широта ума, заключенная в пословице, определяют возможность ее применения к множеству разнообразных обстоятельств, фактов и явлений. Эту способность пословицы «замещать массу разнообразных мыслей относительно небольшими умственными величинами» А. А. Потебня назвал «процессом сгущения мысли». ⁶¹

По особенностям поэтической формы дагестанские народные пословицы можно разделить в основном на две большие категории.

К первой категории принадлежат пословицы, которые отличаются художественной образностью, ярко выраженной изобразительностью.

Например:

«Маза бекIалли, бецI разибар» — «Овца умрет — волк рад будет» (д);

«Улигъ гъайи гурд ужуб гъабшиш, цIара ужуб шул» — «Если чурбак ⁶² будет хорошим, то и огонь будет хорошим» (тб).

Сюда относятся и пословицы-побасенки (термин введен Е. А. Ляцким ⁶³) такого типа: «Узу бадали кIурдарза, хъа рягъникк руздин гъагъар ухшар ву» — гъапну, кIур, кьюлу» — «Не ради себя говорю, но мельнице мешки с зерном подходят» — сказала, говорят, мышь» (тб, д, лз).

Ко второй категории относятся пословицы, которые построены не на образности, а представляют собой лишь вывод, итог наблюдений. В эту же группу входят пословицы-поучения, — то есть такие афористические изречения, которые употребляются в их прямом значении, а не в переносном. Приведем примеры: «Много знает не тот, кто много жил, а тот, кто много видел» (общедая); «Во имя защиты родины не щади и собственной жизни» (а) и др. Эти пословицы построены на логическом обобщении, на непосредственном положительном или отрицательном суждении, повеле-

⁶¹ А. А. Потебня. Из лекций по теории словесности, Харьков, 1931, стр. 91.

⁶² Чурбак — подпорка под дрова в горском очаге-камине, чтоб они лучше разгорались.

⁶³ Е. А. Ляцкий. Несколько замечаний к вопросу о пословицах и поговорках. Известия отделения русского языка и словесности императорской Академии наук, том III, книжка 3-я. СПб, 1897, стр. 747.

нии, поучении. Пословицы этого рода представляют собою, как говорит Н. В. Гоголь, «подведенный итог делу, отсед, отстой уже перебродивших и кончившихся событий, окончательное извлечение силы дела из всех сторон его, а не из одной». ⁶⁴

Дагестанские народные пословицы различаются и по композиционному строению, и по величине. В их составе имеются: одночленные афористические произведения: («Урехила барха вецI ну кIира сягIла бирар» — *дагг.*: «Барха ⁶⁵ трусости из двенадцати сахаров ⁶⁶ бывает»); двухчленные: («Гьарца чунан цала дард, гьарайзунан щинал дард» — *лк.*: «Каждый о своем думает, мельник о воде»); трехчленные: («Иччви шив швиваз бала, артухь тямягь кIулиз бала, чIилли лаваш фуниз бала» — *тб.*: «Красивая жена — мужу беда, большие желания богатства — голове беда, тонкий хлеб — желудку беда»). Многочленная пословица: «Атны яхшысы тизинден белгили, кьатынны яхшысы гьезюнден белгили, игитни яхшысы сьезюнден белгили, кьызы яхшысы кьылыгьындан белгили, дербиш—ашавундан, бай—яшавундан белгили» — «Хорошего коня по походке узнают, хорошую жену по глазам узнают, хорошего из героев по словам узнают, из девушек хорошую по поведению узнают, дервиша — по еде, бая — по состоянию» (*к.*).

Каждый из компонентов этих пословиц, при общей их спаянности и законченности мысли, представляет собою самостоятельное целое и поэтому нередко употребляется как отдельная пословица. Так, отдельные части приведенной нами табасаранской трехчленной пословицы «Красивая жена — мужу беда, излишняя жажда богатства — голове беда, тонкий хлеб — желудку беда», употребляются каждая отдельно как самостоятельная пословица (напр., «Излишняя жажда — голове беда»), вся пословица встречается без первой ее части («Излишняя жажда — голове беда, тонкий хлеб — желудку беда»).

В дагестанских пословицах иногда можно заметить их контаминацию. К примеру, часть из упомянутой только что трехчленной табасаранской пословицы — «Красивая жена — мужу беда» — применяется в соединении с другой пословицей: «Эвкки йишв йигъаз бала» — «Ясная ночь — дню беда» (имеется в виду, что за ней последует ненастный день). После контаминации образуется художественный параллелизм: ясная ночь — дню беда, красивая жена — мужу беда.

В дагестанских народных пословицах и поговорках используются различные приемы и средства сатиры и юмора. Сатирическая пословица и поговорка, как и все пословицы вообще, не создает многогранный образ индивидуума, а раскрывает лишь

⁶⁴ Н. В. Гоголь. Собр. соч. в шести томах, М., 1953, т. 6, стр. 165.

— ⁶⁵ Барха — большая деревянная посуда, служащая мерой сыпучих тел, вместимостью 8 сахар.

⁶⁶ Сах — мера, равная примерно 2,5 кг.

какую-либо существенную, ведущую черту, сторону характера определенной категории людей, подчас подчеркнуто преувеличивая ее. Такова гипербола: «Про хана можно сказать, что он хорош только тогда, когда на нем вырастет столько травы, сколько хватит, чтобы насытить хотя бы козленка». ⁶⁷ Сравним эту половицу с табасаранскими поговорками, в которых применен тот же прием: «Вырывающий сало из муравья», «Стригущий шерсть с яйца». Эти поговорки осуждают скопидомство, и сатира их и наглядна и метка.

Иногда прием преувеличения используется не ради создания сатирического портрета, а для общей обрисовки угнетенного положения горского крестьянства. Таковы половицы: «На спине бедняка мельницу крутят», «Когда до бедняка доходит очередь сторожить, и ночь длиннее становится» (лз).

В половице часто соседствуют и гипербола и юмор: «Если трижды похвалить, то и ослиный помет подпрыгнет» (д, лк).

В приведенных выше половицах не трудно отметить то, что можно было бы назвать приемом нарушения внешнего правдоподобия. Когда поговорка говорит о сале в муравье, о шерсти на яйце или о мельнице, которую крутят на спине бедняка, то противоречие ощущается лишь внешне, по форме. Народ не переступает известных границ гиперболизации, никогда не поступает требованием конкретности.

В отдельных случаях половицы и поговорки народов Дагестана, метко и мастерски высмеивая классовых врагов трудящихся или общие пороки и недостатки людей, умело пользуются сатирическим приемом пародии. С едким сарказмом половицы такого типа гневно разоблачают ханов. Такова уже приводимая раньше аварская поговорка, пародирующая начало религиозного афоризма: «Нет бога, кроме бога, а курдюк и грудинка мне». Через комически-насмешливое утверждение здесь выражено отрицание того, о чем говорится в первой части половицы. Пародийны и половицы, осуждающие пустоту мечтаний лодыря: «Мне бы заснуть во время прополки и уборки, да проснуться, когда пироги со сметаной подадут» (лк); «Был бы мир пловом, а я — ложкой» (д, лк). В последней половице прием пародии сочетается с элементами гиперболизма.

Близок в половице к пародии и художественный прием парадокса. Приведем наиболее характерные половицы: «Враг заставляет смеяться, а друг плакать» (лк) — в том смысле, что только друг скажет горькую правду; «Лишний убыток — лишний ум» (лк) — смысл: жизненные невзгоды делают человека опытнее. Для этого приема показательны то, что при внешней кажущейся противоречивости, ложности суждения фактически оно оказывается верным.

⁶⁷ А. Назаревич. Отобранное по крупницам, стр. 73.

Одним из любимых тропов, к которому дагестанская пословица прибегает чаще всего, являются иносказание, аллегория. Тут пословица охотно обращается к образам, взятым из животного мира. В большинстве случаев аллегория имеет целью сатирическое разоблачение социальных язв дореволюционного Дагестана или добродушно-шутливую и незлобивую характеристику частных сторон быта, поведения людей, их мелких недостатков. Вот некоторые примеры:

«Солнце не виновато, что филин днем не видит» (лз);

«Были бы у кошки крылья, она бы всех пташек перевела» (общ);

«Девять раз коза в Каабе была, на десятый раз волку в пасть угодила» (тб);

«Гордый петух умирает облезлым»;

«Павлин взлетает к небу, мышшь лезет в щель» (а);

«Когда осел видит волка, — он закрывает глаза» (д) и т. д.

К дагестанским народным афоризмам иносказательного характера подходит определение пословицы В. Далем, как «коротенькой притчи», «картины», «обиньяка». Такой «обиньяк» позволяет под маской животного подразумевать обобщенные образы людей, рисовать типичных представителей различных социальных слоев. Так, в пословичном образе осла изображается не только тупость и упрямство («Осла в рай тащили — уши оттянули, оттащить хотели — хвост оторвали», — а), но и черты, которые приписывались в дореволюционном Дагестане узденю, который имел собственный клочок земли, рабу, который ничего не имел и третировался даже бедняком-узденем («Раб — не узденъ, осел — не лошадь», — а). Такова же и пословица, рисующая участь заданного черной работой труженика: «Бек, хоть на мельницу пойдет, свадьбу найдет, осел хоть на свадьбу пойдет, груз найдет» (а).

Посредством приема аллегории под видом волка или лисы дагестанские пословицы часто рисуют образы эксплуататоров и служителей культа. Особенно популярен в этой связи аллегорический образ лисы — хитрой, изворотливой, как мулла. «Лиса в капкан дважды не попадет» (к); «Волк и медведь подрались — лиса слизала кровь»; «Не знайся с лисой, волк съест» (а). Ср. с выразительными поговорками: «Он говорит по-лисьи»; «У него походка лисья» (а), или: «Лисьим хвостом обметаясь, обманул» (а).

В аллегорический пословичный образ лисы горец вложил кое-где и частицу самого себя. В уловках лисы отражается и ум бедняка, ловко одурачивающего в народном творчестве богатых и сильных.

В аллегорических характеристиках образа волка дагестанский фольклор неоднороден. В южном Дагестане в этом образе раскрывается только жестокость, хищничество и глупость, а в авар-

ском и даргинском фольклоре образ этот наделен и некоторыми привлекательными качествами — ловкостью, бесстрашием и выносливостью. Аварская поговорка «Короткоухий ты волк», по свидетельству П. Услара, имеет ласкательное значение. О темной ночи даргинцы говорят: «Ночь мужчины, похожего на волка», — то есть мужчины бесстрашного, решительного как волк.

Прием аллегории применяется также в пословичном образе змеи, которая воплощает в себе коварство, тонко скрытое лицемерие и двуличность: «Змея говорит: какая б сама ни была, прямых нор не нахожу» (лк); «Поверив змее, ее за пазуху не следует класть» (тб, лз). Поговорка — «Язык птичий, сердце змеиное» (тб).

Как и во всех пословицах мира, в дагестанских пословицах и поговорках среди их образительно-выразительных средств можно найти и олицетворение. Табасаранцы говорят: «Голод из дому гонит, нагота — в дом». В даргинской однотипной пословице разновидность метонимии, часть («желудок») вместо целого («человек»): «Голодный желудок рвется из дому, нагота загоняет в дом» (синекдоха).

Нередки в пословицах простое сравнение («Мир, как ветряная мельница: без усталости вращается» — лк), живое олицетворение («Дождь целует — земля улыбается», — н), антитезы («Кошке время — мышке смерть» — тб; ср. с лакск.: «Кошкам свадьба — мышкам смерть»). Яркому и сильному выражению главной мысли пословицы служит также такая встречающаяся в ней стилистическая фигура, как градация: «Не верь теплу зимы, смеху жены, улыбке хана» (а).

Особенностью последнего примера является то, что мысль, постепенно нарастая, усиливается, логическое ударение падает на последний член пословицы, являющийся как бы своеобразной вершиной мысли пословицы.

В пословице народ научился «сжимать слова, как пальцы, в кулак» (М. Горький). Этому помогают и созвучия внутри пословицы, и рифма:

«Араб батулари, тараб шолари» — «То, что ушло, не вернется, то, что оставил, не найдешь» (а);

«КицI кицIихъ ккIана — кьекъверагдиз рехъ хъана» — «Собака с собакой подрались — нищему дорога открылась» (лз).

Эти примеры из разных дагестанских языков показывают, что в пословицах довольно часто такое своеобразное ритмическое построение, которое основано на равномерном чередовании одинакового количества слогов в обеих частях афористического произведения, при котором обе части скрепляются рифмой.

Ритмизация дагестанской пословицы создается не только равным количеством слогов в обеих ее частях, но иногда и полным взаимным совпадением числа слогов в словах, расположенных в начале, в середине и в конце двух частей пословицы. Такова даргинская пословица: «Мас биалли — маслиГят, бекI биалли —

шаригІят». В ней первое, второе и третье слово первой половины пословицы совпадают по числу слогов с первым, вторым и третьим словами второй половины. Показательна также и кумыкская пословица «Хан сындырса — къаза, халкъ сындырса — жаза». Ритмичность усиливается развитой рифмой.

Элементы ритмичности и рифмы придают живость и некоторую игривость и обычной прозаической пословице. Например: «Сен бий, мен бий—атгъа бичен ким салар?»—«Ты князь, я князь—кто же лошадям сено даст?» (к). Благодаря тому, что в первой части пословицы («Сен бий, мен бий») наблюдается полная рифма и ритм, выделяющий самые значимые слова-антонимы («сен» — «мен», «ты» — «я»), эта часть пословицы по быстроте и гибкости выражения резко отличается от второй части, характеризующейся сравнительно замедленным течением нерифмованной разговорной речи, и именно этот перепад ритма подчеркивает иронию.

Дагестанская пословица чутка к красоте словесного оформления. Звуковая музыкальность придает пословице особый склад и мерность. Симфония звуков делает мысль чеканной, доходчивой, доставляет эстетическое наслаждение. В этой связи следует отметить тонкие аллитерации, ассонансы и консонансы в дагестанской пословице. Вот примеры:

«Бегараб бакъун хвараб, бахъараб Горцлун хвараб» — (созвучие звуков: «а», «б») — «Лежебока умирает от голода, работяга от сытости» (а);

«Мискинна дуб духъар, давлачевла дай духъар» — (аллитерация звука «д») — «У бедняка с краю расцветает, у богача по середине расцветает» (д);

«Мукъурттил хъу къадугъайссар» (созвучие однородных согласных «к» и «хъ» и гласного «у») — «Словами поле не сеют» (лк).

Аллитерационное благозвучие особенно характерно для кумыкских пословиц:

«Къуру къолгъа къош къонмас» — «На пустую руку птица не сядет»;

«Къозулу къойлар къырылып, къотур эчкилер баш болгъан» — «Овцы с ягнятами пали, чесоточные козы во главе стали» и т. д.

Отмечая созвучия в пословицах, Ф. Буслаев считал, что «пословица создавалась взаимными силами звуков и мысли».⁶⁸

Одной из характерных особенностей поэтики дагестанской пословицы является применение в ней приема художественного параллелизма:

«Лучшее слово — короткое, лучшая веревка — длинная» (а, лк, д);

«Ребенка надо воспитывать, пока он в колыбели, теленка — пока он на привязи» (лз);

⁶⁸ Ф. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, СПб, 1861, т. 1, стр. 132.

«На край посмотрев, сукно покупай, на мать посмотрев, дочь возьми» (тб).

Пословица-побасенка знает и диалогическую форму. Такая форма становится средством воспроизведения конкретной живой народной речи. Приведем табасаранский пример:

«Къазья, наана аьвгьюрва?»

«Касибринна».

«Беда, куда путь держишь?»

— К бедняку».

Пример из лакского фольклора:

«Видел? — Не видел.

Слышал? — Не слышал. Так спокойней для головы».

Эта пословица без последней поясняющей части известна также и в даргинском и табасаранском фольклоре.

В одной из пословиц-побасенок приемом диалога решается художественная задача юмористической окраски афоризма:

«Верблюда спросили: «Что это у тебя шея кривая?» Он ответил: «А что у меня прямое?» (д).

К форме диалога в дагестанской пословице примыкает и форма обращения: «Давхъ, кIару йиц! Бурж кайир гьафиш, я уу гьабхур, я узу» — «Ложись, черный бык! Заимодавец придет, или тебя возьмет, или меня» (тб). Обращение придает пословице исключительную конкретность, реалистичность выражения.

Афористическое творчество каждого народа всегда окрашено своими национальными чертами. Это не отрицает общечеловеческое, но, наоборот, является удобной формой его проявления. Национальное и общечеловеческое взаимно связаны. «Разделить народное и человеческое на два совершенно чуждые, даже враждебные одно другому начала — значит власть в самый абстрактный, в самый книжный дуализм»⁶⁹, — писал в свое время В. Г. Белинский. Большинство пословиц горцев Дагестана, собранных воедино, также воссоздает своеобразную национально окрашенную картину. В них — конкретные явления, свойственные именно дагестанской социально-исторической действительности, и свои, дагестанские, самобытные формы выражения обобщений. Своеобразие истории, географических условий, склада национального характера и бытового уклада горцев не могло не вызвать своеобразие и содержания, и формы пословиц.

Специфическим для всего Востока в тематике пословиц является упоминание о «хадже» — паломничестве в Мекку. Дагестанская пословица высмеивает ханжей, лицемерно испувавших годы грехов сравнительно недолгим путешествием в Мекку. Лакская пословица иронизирует: «Чеснок сладким не станет, если даже побывает в Мекке».

⁶⁹ В. Г. Белинский. Эстетика и литературная критика, т. 2, М., 1959, стр. 588.

Специфически национальную окраску приобретает в горской пословице и отражение в ней исторических событий и деталей горского быта. Характерна в этом отношении хотя бы такая лакская и табасаранская пословица: «Лемех плуга богача и крысам легче погрызть, чем чарык бедняка».

Естественно-климатические особенности тех или иных местностей Дагестана, своеобразие расположения селений, характер их хозяйственно-экономического развития, отличительные признаки поведения, приписываемого жителям того или другого села и района, явились причинами возникновения совершенно оригинально оформленных пословиц. Таково, например, даргинское присловье: «Где бы ни выпал дождь, в Мугри все равно слякотно». «Считая себя героем, в Кумух не ходи, хвалься конем, в Акушу не езди» (лж; Кумух — исторический центр лакского народа, известный героическими традициями; Акуша — даргинский аул, где разводили породистых коней). «После того, как дело сделал, в Ругуже ли, в Ханаге ли — все равно» (тб; Ругуж и Ханаг — села Табасаранского района, отстоящие друг от друга примерно на 100 метров).

Следует отметить, что в присловьях и поговорках национальная окрашенность проявляется, как правило, конкретней и ярче, чем в пословицах. Вот примеры:

«У купинца⁷⁰ даже желтка в яйце не бывает» (д);

«Похоже на то, будто жителю Чилика лед показывается» (тб)⁷¹.

Своеобразна лакская поговорка: «Ячмень еще в ауле Балхар, а в Кумухе уже дорожки стелют»⁷².

Национальное своеобразие дагестанских пословиц выражается и в том, что в их художественную ткань в экспрессивно-выразительных целях вплетаются ставшие в народном обиходе символическими и нарицательными имена исторических и фольклорных персонажей. Таковы лакские поговорки: «Войска на войне, Ада у жаровни» (Ада — реальный персонаж, ставший олицетворением неудачника и труса); «Все бросились к дому Гаджи-Ата, а Гаджи-Ата бросился к дому Патимат» (про человека, который занимается пустяками, когда все заняты важным делом. Гаджи-Ата и Патимат — персонажи народной сказки).

Заметим, что употребление собственных имен производится в пословицах Дагестана не только ради благозвучности или рифмы, как это обычно бывает, но и для конкретизации и индивидуализации заключенной в них мысли. Например, «Лисиз Селим, лисхъан Керим даршул» — «До обеда Селим, после обеда Керим

⁷⁰ Куппа — даргинский аул, жители которого, по общему мнению, всегда отличались хитростью.

⁷¹ Чилик — табасаранское село в горах, у границ вечного льда.

⁷² В образном оформлении поговорки отражен распространенный в Дагестане обычай сушить зерно на специальных домотканых дорожках и дешевых безворсовых коврах-паласах.

не бывает» (тб). Смысл пословицы: должна быть принципиальная позиция у человека, верность слову.

В пословицах и поговорках Дагестана можно найти и следы народного календаря, и намек на адаты и обычаи, и это тоже национально окрашено. Вот только два примера: «В месяц Зайца обедал пять раз на день, в месяц Перепелки остался ни с чем» (так лакцы говорят о расточительном человеке и применяют старые народные названия месяцев по именам животных); «Была бы пчела, а нектар и в Багдаде найдется» (так говорят те же лакцы, когда получают отказ при сватовстве; смысл: был бы жених, невеста найдется).

Как видим, конкретный жизненный общественно-исторический опыт горцев нашел отображение не только в идейно-тематическом содержании фольклора, но и наложил свой отпечаток на художественную форму пословиц и поговорок, определил их национальное своеобразие.

В дагестанской пословице и поговорке, как показано выше, отмечается чрезвычайное многообразие художественно-выразительных средств и приемов. Это повышает их поэтическое достоинство и общественно-эстетическую ценность. Высокие поэтические достоинства пословицы и поговорки и богатое, философски широкое идейное их содержание обусловили то, что они издревле стали, пользуясь выражением М. А. Рыбниковой, «одной из самых ходовых форм фольклора» Дагестана.

ЗАГАДКИ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

Загадка горцев — один из древнейших видов их фольклора. Аварцы называют загадку «бицанка», от глагола «бицине» — сказать, говорить. Выходит, что загадка — это «слово». В даргинском названии — «багыра» (от побудительной формы глагола «багы» — «отгадай») подмечено, что речь идет о таком «слове», которое требует отгадки. В лезгинском термине «кимуча-муча», образованном в результате сокращения вопроса «что это?» («им вуча?», «ам вуча?») отразилось представление о тех загадках, которые строятся в форме вопроса. Второе лезгинское название загадки — мискал. Кумыкский термин «чечеген ёмакъ» (чечмег — открывать, емакъ — сказка, то есть сказка, которую нужно отгадать) подходит, собственно говоря, для характеристики не столько загадки-вопроса, сколько той ее формы, которая основана на описании предмета и представляет собой сжатый рассказ. Лакцы называют загадку «сигъа». А табасаранские термины «дургъунагъ» и «адугъай-дугъай» (от глагола неопределенной формы «дубгъуб» — «усвоение», «знание», «учеба») раскрывают народное понимание загадки как художественного произведения, рассчитанного на работу мысли, на сообразительность того, кто отгадывает.

Обозначение загадки в отдельных табасаранских селах «махъ» — «сказка» (с. Ругуж) близко по семантике к мордовским терминам: «ёвкс», «ефкс» («сказка»).⁷³ Налицо сходство с кумыкским названием загадки.

В дореволюционной фольклористике оценка и определения загадки, данные И. Худяковым, Ф. Буслаевым, А. Афанасьевым, В. Далем, А. Пыпиным и В. Кялтуялой, вскрыли лишь отдельные стороны этого жанра и были недостаточно полными. Большой глубиной и пониманием вопроса отличается определение Д. Н. Садовникова. Он рассматривает загадку с точки зрения их идейно-тематического содержания и подчеркивает, что в них отразились не просто предметы и явления действительности, а — что более

⁷³ Л. Кавтаскин. Заметка о мордовских загадках. Записки НИИ при Совете Министров Мордовской АССР. Язык и литература. Саранск, 1947, стр. 52.

важно—«взгляды народа на природу и окружающую обстановку». Садовников верно характеризует художественную специфику загадки (в ней «открылся полный простор для творческой фантазии народа») и отмечает обусловленность ее содержания окружающей обстановкой, материальными причинами и своеобразием географической среды.⁷⁴

Советская наука о фольклоре придерживается совершенно нового, научно обоснованного взгляда на загадку. М. А. Рыбникова раскрывает такой признак, как предметность загадки. Это, по ее утверждению, «прием опознания и утверждения мира», «курс трудового мироведения».⁷⁵ В. П. Аникин считает, что такое определение слишком общее и, подчеркнув, что загадка по форме — замысловатый вопрос, пишет: «Загадка—это поэтическое замысловатое описание какого-либо предмета или явления, сделанное с целью испытать сообразительность человека, равно как и с целью привить ему поэтический взгляд на действительность».⁷⁶

Опираясь на все эти высказывания и суммируя признаки, отраженные в названиях загадки у дагестанских народностей, можно дать такое определение: загадка — это народно-художественное произведение, выраженное то в форме прямого вопроса, то в форме замысловатого описания загадываемого предмета или явления, сжатого рассказа (представляющего собой скрытый вопрос, требующий обязательного ответа) и служащее для испытания сообразительности и раскрытия поэтических сторон предметно-вещественного мира.

Приведем некоторые примеры.

Загадка - вопрос: «Что самое вкусное?» (тб, — сон);⁷⁷ «В мире что мягче всего?» (д, — ладонь).

Загадка, построенная на описании: «Хъанра, хъанра цагъуна, ургала гавлагъуна» — «Сверху и снизу похожий, а в середине, как мешок» (д, — кувшин).

Загадка с элементами рассказа:

Лежать надоело — в землю ушло (снег),

Свет надоел — в море ушло (вода),

Море надоело — в небо ушло (пар),

В небе надоело — на землю пошло (а, — дождь).

Загадки-задачи:

«В поле паслись ослы и быки. Ушей у них 14, рогов 4. Сколько ослов и сколько быков?» (5 ослов, 2 быка).

⁷⁴ Д. Н. Садовников. Загадки русского народа. Изд-во Московского университета. М., 1959, стр. 258.

⁷⁵ М. А. Рыбникова. Загадки. М.-Л., 1932, стр. 19.

⁷⁶ В. П. Аникин. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1957, стр. 54.

⁷⁷ Примеры даются чаще в подстрочном переводе, текст оригинала приводится лишь в крайне необходимых случаях.

Загадки-шутки, чаще всего построенные на омонимах: «От какого огня нет дыма?» (к, — от душевного).

Как специфическую особенность многоязычного Дагестана можно отметить загадки, в которые вставляются слова из непонятного для народа соседнего языка. Такова табасаранская загадка «Яз дувгъай: «Къата?» («Угадайте: «Къата?»»), в которой последнее слово, обозначающее чурбак, колоду, и есть отгадка, но слово это непонятно, так как взято из кайтагского диалекта даргинского языка. Подобные загадки известны и у кумыков.

1. Характер бытования и идейно-тематическое содержание дагестанских загадок

В Дагестане загадки особенным вниманием пользовались в прошлом у женщин, больше всего у старух. Даже в наши дни у даргинцев, лезгин, аварцев и табасаранцев зимой иногда можно набрести на специальные вечера загадок, и автору этих строк в сел. Хурик Табасаранского района на таком вечере удалось записать у старой женщины Фатмаханум Азизбаевой более двадцати загадок.

Однако в целом народная загадка перешла уже в Дагестане из взрослой среды в иной мир — в мир детской духовной жизни. Она стала ныне в целом предметом сознания детей и юношества примерно от 8 до 14—15 лет включительно, служа средством воспитания у них сообразительности и эстетического чувства.

В том же Хурике на школьном вечере нам удалось за полтора часа записать 180 загадок. Школьные вечера загадок всегда проходят при высокой активности всех участников. Убедиться в этом мне удалось на собственном опыте в табасаранской школе в Хурике и в средней школе в крупном кумыкском селении Нижний Дженгутай.

В Хурике я сам сперва загадал собравшимся школьникам двести загадки. Многие дети напряженно думали, ломая голову над загадкой, но у большинства уже горел в глазах огонек радости от найденного ответа. Мы договорились отвечать по порядку, и дети порывисто поднимали руки, каждый старался первым объявить свой ответ. Неправильные ответы вызывали шумную реакцию и смех. Затем ученики сами поочередно стали загадывать загадки. Время протекло незаметно, а я убедился, что дети и в наше время держат в памяти десятки старинных загадок.

Наблюдения над современным бытованием дагестанской загадки дают возможность прийти к выводу, что она имеет не только развлекательное, но и серьезное общеобразовательное значение. Вот почему она применяется в школьной практике. Необходимость использования загадки в практической деятельности педагога была со всей силой подчеркнута одним из выдающихся русских педагогов К. Д. Ушинским. Он считал, что «живописная

и интересная для него (ребенка— Г. М.) загадка заляжет прочно в его памяти, увлекая с собой и все объяснения, к ней привязанные. Какая живая и полезная беседа может быть закреплена в душе дитяти... живописной загадкой». ⁷⁸

О том, какое важное значение при умелом использовании могут приобрести загадки в работе учителя, говорит опыт преподавательницы младших классов Касумкентской средней школы имени Сулеймана Стальского Г. А. Султановой. Она приохотила детей к коллекционированию загадок и при случае пользуется ими и во внеклассной работе, и на уроке. В 1964 году в школе заведен специальный альбом, и в нем уже более четырехсот загадок. Учительница приучает детей и к сопоставлениям, привлекая к рассмотрению родных загадок и русский фольклор.

Юный хранитель и носитель современной дагестанской загадки, воспринимая ее в школьном коллективе, не только тренирует свой ум и наблюдательность, но и учится замечать красоту обыденных вещей и явлений природы. Загадка способствует эстетическому воспитанию школьников.

Использованию загадок в работе учителя способствует богатство и разнообразие тематики дагестанских загадок.

Дагестанские загадки тематически группируются на такие циклы:

- 1) загадки о явлениях и предметах природы;
- 2) о человеке;
- 3) о доме, внутреннем убранстве жилища горца, предметах домашне-хозяйственного обихода;
- 4) загадки, отразившие объекты и орудия сельскохозяйственного производства и потребления;
- 5) животный мир в загадках;
- 6) загадки о ремесле и о предметах культурно-просветительного назначения.

Тематический анализ загадок, если брать каждую в отдельности, мало что даст исследователю. Все загадки горцев по своему содержанию и по идейно-художественным особенностям взаимно связаны, и это реалистически отражает круг соприкасающихся друг с другом взаимосвязанных предметов и явлений объективного мира. Загадки нужно изучать, следовательно, как единое целое.

* * *

Излюбленной темой дагестанских загадок является почти весь мир природных явлений, видимый человеческим глазом. Широкие безбрежные просторы неба, бесконечная отдаленность особенно ярких в горах звезд, дорогие всему живому солнце и луна, осле-

⁷⁸ К. Д. Ушинский. Избранные педагогические сочинения, т. II, 1954, стр. 569.

пительная молния и оглушительный грохот грома, благодатный дождь и очистительная гроза, бурные потоки горных рек и извилистая змеиная дорога в горах, само безостановочное течение времени, особенно ощутимого в горном безмолвье — все это предстает перед нами в загадках горца своеобразно-неповторимыми картинками и метафорами.

Вот некоторые примеры таких загадок:

«В большом синем поле воздушная кукуруза» (*а, — небо и звезды*);

«В синем корыте красные камушки» (*лк, — звезды на небе*);

«В одном тазике две лепешки: одну режут, другую не режут» (*д, — небо, солнце, луна*);

«Дюн'ятан ахьюб, мурхьул ккадруб» — «Больше света, без столба» (*тб, — небо*) и т. д.

Еще пример поэтичной и своеобразной лезгинской загадки:

«Яру, ярар кьизилгуьл,
Нурлу ийиз дагъни — чуьл.
Тама-тара кьекъвена,
Жавагьирар квадарна.
Вацраз акуна — лагънач,
Ракьиниз акуна — гахчуна».
(*Чиг*).

«Утренняя заря—золотая роза
В зареве держит горы, леса.
По лугам, по лесам погуляла,
Жемчуга растеряла.
Луна увидала — промолчала,
Солнце увидало—к себе забрало».
(*Роса*).

Природа в дагестанской загадке повернута к человеку зримой и опредмеченно-конкретной стороной. Предметность — одна из самых характерных особенностей народной загадки — выступает и в загадках о явлениях неживой природы, казалось бы, чуждых излюбленным ее предметам и процессам домашнего обихода, сельскохозяйственного производства и крестьянского быта. Характерно, что явления природы, космическая тема отображены в загадке с точки зрения земных практических потребностей. Об этом и говорят вышеприведенные примеры.

* * *

Одним из самых важных свойств загадок народов Дагестана, вытекающих из их тематической взаимосвязанности, является то, что они, широко развертывая представление о предмете, поэтически, образно воссоздают целостную, объединенную одним началом и концом «биографию» предмета или явления. Они рисуют зарождение явления, его рост, основные внешние и внутренние приметные признаки, его действия и, наконец, отражают близкий к устареванию период предмета, а затем и его исчезновение. Особо показателен в этом отношении следующий после загадок о природных явлениях цикл загадок о человеке.

Вся жизнь человека от рождения и до смерти находит в этом цикле своеобразное, только лишь загадке присущее художественное отображение. Одна загадка, известная всем горцам, в которой человек предстает перед нами как существо, которое «утром (утро — символ детства, когда человек еще не научился ходить) ходит на четырех ногах, в полдень (полдень — средний возраст) на двух и вечером (вечер — старческий возраст) на трех ногах» — в общем виде сконцентрировала в себе все этапы человеческой биографии.

Рассмотрение загадок этой темы удобнее начинать с горских замысловатых иносказаний о матери и о первых шагах в жизни ребенка. Из двенадцати имеющихся в нашем распоряжении загадок о рождении человека почти все связаны с описанием колыбели. Загадка дается то в форме повествовательной (тб: «Яз дувгъай: кІакІвлин тавтиъ яккун шутІум» — «Угадайте: в деревянном сундуке щепотка мяса»; д: «Наверху балка, внизу потолок»), то в форме лирической, близкой к образам изошренной восточной песни (д: «Бисули булхъан» — «Плача, танцующий»; лз: «На дереве гранат в золотом кувшине»).

Лезгинская загадка говорит о материнском молоке: «В городе Ашиме, на песчаном базаре в день двух овец ест». Аварская загадка философски рассуждает о матери, которая и сама была вскормлена матерью («Сама нянчит человека, человек нянчит себя»).

На всех языках Дагестана существует загадка, в которой дается условно-аллегорическое описание всех частей человеческого тела.

Приведем табасаранский пример:

«Къючлар, къючларин къурамат, къураматдин гъюл, гъюлин зин мурхъул, мурхълиин ургуб урхъ кайи дигъ, дигъин яркур» («ликлар, фун, гардан, кІул, кІул'ин али кушар»).

«Столбы, на столбах суша, на суше море, над морем столб, над столбом горшок с семью отверстиями, на горшке лес» (ноги, живот, шея, голова, волосы на голове).

Множество загадок посвящено и отдельным частям тела. Такова голова, изображаемая в даргинской, лезгинской, кумыкской, лакской и табасаранской загадках как «шар» (д) или «пень» (лз) или «горшок» (тб, лк), в котором семь отверстий. Загадка и еще более детализирует иносказание: красивый пробор волос на голове горянки уподобляется «белой тропинке в черном лесу».

Немало загадок посвящено органам чувств и восприятия человека. Каждый из этих органов чувств изучен народной загадочной всесторонне.

Больше всего нами выявлено загадок о человеческом глазе (таких загадок у нас 33). Эти загадки — одни из самых поэтических. В них и широта, и сдержанная реалистичность фантазии горцев.

В человеческом глазе загадка подмечает несколько признаков. Во-первых, способность глаза охватить восприятием огромное пространство («Обойдешь весь мир — не устанешь»,—*а*), мгновенность взгляда («Угадайте: отсюда ударивший меч — весь мир поразит» или: «Угадайте: отсюда ударившие клубочки до Цанак⁷⁹ летят», — *тб*).

Во-вторых, глаза в различных горских загадках рисуются как «яркие звезды на краю скалы» (*д, к, тб*), как «два молодца на высокой горе» (*а*) или же как два брата, которые, сидя по обе стороны, не видят друг друга, хотя и видят весь свет (*а*). В даргинской загадке глаз назван глубоким красивым родником («По сторонам горы два родника»), в аварской — сравнивается с озером («Красивое озеро, которое никогда не замерзает»).

Загадка, чуткая даже к мелочам, характеризует и то, что связано с глазом: очки, брови.

Особняком стоят загадки о носе, ушах. Последние в аварской загадке описаны как «горькие источники на высокой горе».

Десятки дагестанских загадок говорят о языке и зубах (*лз*: «В одной мечети два джамаата»).

Внимание горских авторов загадок привлекло и внутреннее строение человеческого организма (*тб*: «Зиил якк, айитI кьирикь» — «Сверху мясо, внутри кожа») и, особенно — не стареющее, по народным представлениям (*а, лз, тб*), «в одну секунду весь мир облетающее» человеческое сердце.

Любопытно идейно-тематическое осмысление в загадках рук человека. Они мудро названы самыми мягкими на свете (*тб*: «Что мягче всего?» — ладонь, рука). В даргинской загадке это вечные труженики («Работают, работают, но работу кончить не могут») Пальцы руки горца точно охарактеризованы лезгинами, даргинцами, лакцами и табасаранцами как пять мастеров на одной стене.

Обрисовав младенческий возраст человека и части его тела в зрелую пору, группа загадок о человеке последовательно доводит нас до иносказаний о старости:

«С тремя ногами — кто он?» (*к, — старик с палкой*);

«В молодости с нами вместе, а в старости впереди» (*а, — старик идет, пригибаясь, и верхняя часть его тела, как бы выдвинута вперед*).

Затем идут загадки о смерти (*тб*: «Ади, айдруб» — «Неизвестное, хотя и существует»), о мертвецe, которого «и дома нельзя оставлять, и на базаре нельзя продать» (*а, лз*), о могиле (*тб*: «Дом без дверей, лезут через дымоход»). Добрым словом под-

⁷⁹ Цанак — селение в Табасаранском районе. Загадка, по-видимому, возникла в эпоху феодальной замкнутости и обособленности отдельных селений. Об этом говорит то, что даже такое ныне доступное и близкое село, как Цанак, взято в загадке как средство для преувеличенного изображения полета человеческого взгляда.

мечено, чем дорог покойник потомкам (д: «Умер, но его наука с нами»).

Весь этот свод замыкают загадки о надгробных плитах и о кладбище — «каменном саде» (лз).

Таков образ человека в изображении народной загадки горцев Дагестана, и такова жизнь человека. Все это представлено в загадке живо и эмоционально.

* * *

Горская сакля, ее внутреннее убранство, мебель, утварь—таков другой круг тем дагестанской народной загадки. В метафорических картинах этой темы воспроизводится убогий дореволюционный хозяйственный обиход горца, скудость материальной базы его быта. Сюда входит все, начиная с общего вида дома, четыре угла которого представлены в виде четырех сестер, покрытых одним платком — крышей; самой крыши — невспаханного поля, потолка, стен, матиц-балок,⁸⁰ печи, постельных принадлежностей, которые сравниваются днем с горами, а ночью с долами; ларя для муки, и кончая ножницами и иголкой. Последнюю кумыки в загадке называют маленьким человеком, плетущим забор, даргинцы — работягой, который, трудясь на других, сам, подобно дореволюционному дагестанскому крестьянину, всегда остается голым.

Наблюдения над сводом загадок о предметах домашне-хозяйственного обихода приводят нас к мысли о том, что рост общественного производства, изменения в экономике и культуре горцев неизбежно сказывались и сказываются на материальной стороне их домашне-хозяйственного уклада. Вытесняются менее удобные предметы обихода, пополняется утварь, посуда, мебель, усиливаются связи и с соседями, с другими странами и народами. В наши дни исчезли неудобный старинный деревянный ларь для муки, плетеные зернохранилища, каменный каток на глинобитных крышах горских домов. В домах горцев появились зеркала, самовар. Обо всем этом новом в жизни и рассказывают новые загадки. Зеркало в кумыкской загадке изображается с точки зрения его применения: «Висит на стене, девушки, глядя, пудрятся». Зеркало рисуется и с точки зрения его свойств: «Из одного делает двух» (д); «Сам не видит, из него самого видно» (лз).

Загадки о самоваре посвящены главным образом его строе-

⁸⁰ Загадка более, чем пословица и поговорка, ограничена локально. В ней детали, характерные только для данной местности. Показательна в этом смысле табасаранская загадка о матице и балках: «Убив нукера, рукельцы окружили его». Рукельцы — жители с. Рукель Дербентского района. Здесь местные детали и местные географические ориентиры, отличающие горскую загадку от русской загадки на ту же тему: «Лежит брус — во всю Русь. В том бресе двенадцать гнезд».

нию. Например: «Кожа медная, живот водяной, сердце огненное» (д). В кумыкской загадке поэтически передано не только строение самовара, но и слуховое восприятие его человеком в момент, когда закипает вода:

«Алтындай кьаркьарасы,
От юрек, сув кьарыны
Эртен — ахшам столда,
Арив чигъа сарыны».

«Тело как золото,
Огонь—сердце, вода в животе,
Вечером и утром на столе,
Слушать пение мило».

Более поздними в горах являются загадки о столе, стуле. Они своим строением (один платок над четырьмя сестрами) напоминают более древние загадки о доме. Известный дагестанский этнограф и историк С. Ш. Гаджиева пишет, что столы, стулья, кровати и некоторые другие предметы бытового обихода стали употребляться горцами, притом вначале лишь богатой знатью, не раньше 19 века.⁸¹

С группой загадок о доме можно сопоставить загадки об огне (всего около 25 загадок), о старинном светильнике-чирахе, о фитиле и керосиновой лампе (24 загадки). Керосиновая лампа — стеклянная, как ее называет загадка, — удостоилась поистине поэтического воспевания, подчеркивающего ее чудесную сторону.

«Стеклянный дворец с красными лучами» (д);

«Пятью копейками дом светом наполняется» (к);

«Есть пламя — огня нет» (лз);

«В стеклянном кувшине райский цветок» или «В стеклянном дворе красный бык» (тб).

Интересны горские загадки о ковре. Он рисуется в загадке то с точки зрения любовного отношения к нему его творца («С сорока узорами, любимая девушками»; — к), то изображается путем иносказательного описания («Пестрый цветок с четырьмя веточками» — тб). Загадка порой шуточно передает и сам процесс производства ковра. Табасаранские женщины загадывают: «Сколько ни ущипни, сколько ни бей кулаками, все равно в толк не берущий».

В деле показаны и вязальные спицы мастерицы горских джурабков (чулок): «Четыре брата стену строят, один брат раствор подносит» (тб; — ср. с дарг. о том же: «Четыре брата не работают, один брат работает»).

Таково идейно-тематическое содержание загадок о предметах и процессах домашнего быта дагестанского горца.

Изучая загадку Дагестана, исследователь приходит к заключению о том, что горец-производитель, деятель истории и творец материальных и духовных богатств ясно ощущается в загадке за всем словесным одеянием изображенных в ней вещей и явлений.

⁸¹ С. Ш. Гаджиева. Кумыки. М., 1961, стр. 221.

Образным языком труженика-крестьянина, вечно занятого упорной борьбой за существование, языком, который берет реалии из объективной действительности и посредством своеобразного сочетания их словесных обозначений компонирует иносказание о предметах и явлениях, и составляет дагестанская народная загадка.

В большинстве дагестанских загадок, рисующих домашнее хозяйство горца, отражается мировоззрение горского земледельца. Предметы домашнего обихода, подробности домашней обстановки чаще всего охвачены загадкой с точки зрения их назначения, даны в работе или воссозданы аналогиями, напоминающими крестьянину о его земледельческом труде.

Потолок дома, на котором ровными рядами проложены балки, в восприятии дагестанского бедняка-крестьянина, озабоченного стремлением получить хороший урожай, выглядит так: «Хотя проложены канавы, но пшеницы не посеешь» (к). Коток на крыше рисуется в действии и тоже сравнивается с работой землероба: «На невспаханном поле беспокойная кобылица» (д).

Мысль о земледелии ощущается и в следующих загадках:

«Межи деревянные, поле стеклянное» (тб, — окно);

«Двух сильных быков худой бычок остановил» (к, — засов и двери ворот).

* * *

Все в загадке живет интересами земледельца и бедняка-ремесленника. Как справедливо отмечает М. А. Рыбникова, «не созерцание и не наблюдение издали дает загадка, а тот производственный опыт, в котором предметы сталкиваются с человеком и взаимодействуют». ⁸²

Эту мысль особенно наглядно подтверждают наиболее обширные циклы дагестанских загадок — **загадки, отражающие земледельческий труд горца и его животноводческое хозяйство.**

Тематика загадок этих циклов обуславливается конкретно-историческими особенностями и уровнем развития сельскохозяйственного производства дореволюционного Дагестана. Ярко бросается в глаза определенная закономерная связь процессов, предметов и орудий земледелия и животноводства, изображенных в этом своде загадок, в целом. Это своеобразная художественная история сельскохозяйственного производства и животноводческого опыта народа.

Труд — вот главная тема этой группы загадок. Раскрыта она своеобразно, оригинально. Поэтому, анализируя тематическое содержание дагестанских загадок, мы не можем ограничиться раскрытием того, о чем они говорят. Не менее интересно попутно проследить и то, как загадка изображает мир вещей и явлений.

⁸² М. А. Рыбникова. Загадки, стр 18.

Из процесса сельскохозяйственного труда горца дагестанская загадка не упустила даже мелочей. Предметом особого ее внимания является самое необходимое и существенное богатство крестьянина — земля, которая добром отвечает на постоянное усердие человека («Что самое жирное на свете?», «Самая сытая, но ненасытная на свете», — *д*).

Объектом внимания в загадке является не только земля вообще, но и конкретно — унавоженное поле, сама навозная куча — («удалец в бурке на краю каждого села», — *тб*), орудия обработки земли и уборки урожая (пуруц, плуг — «под землей синий голубь», — *д, лз, тб*), буйволы, быки, сам пахарь.

Иногда загадка передает как бы все состояние крестьянского земледельческого инвентаря. Например, в загадках о косе дано описание этого орудия труда, функции и качество его в работе, изменения, которым оно подвергается в ходе употребления (*дарг.*: «Много ест, но худеет»). Весьма показательна в этом отношении следующая благозвучная, основанная на бодром быстром ритме табасаранская загадка, напоминающая по своим поэтическим признакам народную песню:

«Йискъувди късакк,
Къюб вазли гъурдакк,
Зумзумдин шитил,
Ширвандин гъяртил,
Вярш-курш». (*Дергес, дагъур*)

«Десять месяцев на полке,
Два месяца на руке,
На воде зумзум,
Над ущельем Ширван,
Вярш-курш». ⁸³ (*Коса, серп*).

В полеводческом хозяйстве в горах издавна известны были пшеница (*д, тб*: «гнездо вьет в земле, детей рождает в воздухе»), просо, полба, кукуруза, которая аварцами, даргинцами, лакцами и лезгинами воспета как полевая красавица с красным чубчиком, а кочан ее — как красавица, сидящая дома и золотистые косы которой лежат наружи.

Обрисовав полевые культуры, цикл земледельческих загадок изображает дальше все то, что связано с осенними работами в поле. Это загадки о снопах, напоминающих «женщину-старуху с тугим поясом» (*тб*), о скирде, о стоге сена. Рисует загадка и повозку с травой или снопами («Поле зеленое, края деревянные», — *д*), передние и задние колеса которой иносказательно названы двумя парами старших и младших братьев, из которых одни не могут догнать других.

Загадки говорят о всех средствах и процессах производства — запряженных волах, буйволах, о кнуте, которым их погоняют, о молотье, молотильных досках, о провеивании зерна на току.

⁸³ Зумзум, по религиозным представлениям — райский родник; таким становится и речная вода в ночь накануне праздника курбан-байрама.

Ущелье Ширван — старинное, теперь исчезнувшее название ущелья у с. Хурик Табасаранского района, над которым раскинулись альпийские луга.
Вярш-курш — звукоподражание.

Затем загадки метафорически говорят о вечно танцующих мельнице и ее жерновах (среди наших материалов более тридцати вариантов), о сите горской хозяйки. Интересна даргинская загадка о мельнице, в которой отражен как бы один из эпизодов реальной жизни:

«КӀел узи бирхӀули,
УзикӀар вявикӀули,
Шанти музабулхӀули,
МузабухӀунти кабуршули».

(ШинкӀан)

«Два брата дерутся,
Двоюродный брат сзывает лю-
дей (разнимать дерущихся),
Народ прибегает,
Прибежавших сразу убивают».

(Жернова мельницы, колотило,
зерно, которое превращается
в муку).

Доходит очередь непосредственно и до самого хлеба. Крутое тесто в корыте олицетворяется в светлом образе белого оленя, катающегося на белой равнине (тб), затем также красочно описываются лаваш, своеобразные дагестанские ватрушки, хинкал и т. д.

Такова художественная картина производства хлеба, реалистически воссозданная народными загадками — начиная с отображения матери-земли, средств производства и самого процесса труда и кончая продуктами этого труда и главным предметом потребления — хлебом. Его бедняк добывал упорным трудом в прошлом в условиях примитивной сельскохозяйственной техники и социального гнета. Это — конкретно-поэтическая история производства и потребления хлеба дагестанскими горцами.

Горцы Дагестана издревле занимались виноградарством. Позднее, после присоединения Дагестана к России, стали возделывать морковь, капусту, сеять лук, картошку. В горах появились загадки об овощах, а загадки о садах и виноградниках существовали и до этого.

О фруктовом дереве дагестанская загадка говорит: «Зимой кнут, летом бурка» (к). Много загадок о грушах, яблоках, персиках, абрикосах, в Южном Дагестане о гранатах. Особенно повезло ореху, который в аварской загадке выглядит так: «На макушке дерева — масло». И в аварском, и в других дагестанских языках о грецком орехе и маленьком лесном фундуке, или лещине, в разных стадиях их созревания создано сравнительно много загадок (тридцать шесть, включая и варианты). В них описан и общий вид зеленого ореха на дереве («На дереве каменное гнездо», — к), и его ядро («сало» — а, «сдобный хлеб», — д), скорлупа («кость», — а), схвачен даже момент выпадения созревшего ореха (дарг.: «Оставив бурку, Батыр прыгает»).

В горах, как говорят дагестанцы, каждый куст плодоносит. Полезны для человека и культурные деревья, и дикие. Они тоже

нашли отражение в загадочном фольклоре. В пищу идут и весенние подснежники и земляника («У дороги пятна крови», — *к*), «В зеленой долине капельки крови», — *а, д, лз*), крапива, осенняя шишка, которая в поэтическом воображении народа тонко и метко ассоциируется с глазом с четырьмя ресницами (*тб, лз*), шиповник («В красном кувшине пшеница», — *д*; «В стеклянном кувшине желтая пшеница», — *тб*) и т. д.

* * *

К общему циклу загадок о сельскохозяйственном производстве примыкают и загадки о животных и птицах — домашних и диких.

Теленок, стадо домашних животных, лошадь и собака, вымя коровы и пальцы, которыми ее доят; всадник, конь и седло, — комплексно в одной загадке; скачущая лошадь, процесс ее седлания, подковы, даже гвозди в подковах; осел, верблюд, овца; чабан и собака его; пастбище, молоко, сыр и сыр, плавающий в сыроворотке, масло — словом все домашние животные в отношении к человеку и все продукты животноводства, получаемые человеком, — все это многосторонне и картинно осмыслено в видимой и невидимой связи с человеком, с его хозяйственным укладом. Даже дикие животные — заяц, волк, кабан, домашние и дикие птицы — воробей, ласточка — воспринимаются дагестанским крестьянином в свете его забот о доме, о хозяйстве, сквозь призму его трудового крестьянского сознания.

Среди дагестанских загадок сравнительно немного загадок о насекомых, о мухе, о комаре. Но зато много — о пчеле, не менее десятка посвящены рыбам, которые рисуются как «бусы под водой» (*к*), как «серебряная одежда, золотая земля» (*к*). «Сама красива, голова с ногтями, хвост — ножницы» (*тб*).

* * *

Тема ремесла, труда кустарей, кроме уже отмеченных нами загадок о ковре, отобразилась еще и в загадках о прялке, пиле, рубанке, о точильном камне, о железе в кузнице. Существует загадка и об особом инструменте местного ремесленного производства ложек. Таков табасаранский «рукъуч». «КкитІ кІакІвлин, ккимитІ рукъан» — «Хвост деревянный, голова железная» (перевод приблизительный, более точный дать трудно).

Среди загадок о ремесле выделяются загадки о производстве конопляного сукна. Поражают подробности этого женского ремесленного труда, игравшего огромную роль в натуральном хозяйстве феодально-патриархального Дагестана. Конопляная пенька шла не только на изготовление сукна, но и для других хозяйственных нужд — на производство веревок, безворсых ковров — паласов, мешков, которые делались из остатков пеньки,

извлеченной из стеблей конопли путем их размельчения большими деревянными мечами.

Коноплю горская загадка считает «дороже сына»:

«Учв чруб,
Чиркар лизуб.
БайтІан кыюглуб,
ТуртІан ярхуб».

«Сам зеленый,
Стебель белый.
Дороже сына,
Длиннее меча» (тб).

Загадка говорит о назначении конопли:

«Багы-багы багыра,
Багудила шиниша,
Шери вава бухьуца,
Дершиб арши хлунтена»

«Гадай-гадай загадку,
Загаданное зелено,
Волокна — для желтого сукна,
Сотканное сукно — белое».

В этой даргинской загадке вся история производства сукна начертана как бы тезисно: отмечена зеленая конопля в поле, «желтое сукно», когда оно еще в станке, «белое сукно» — уже сотканное и высушенное.

В загадках дано образное описание растущей конопли, процесса сдиранья пеньки, подготовки ее для пряжи, производства пряжи веретеном, которое изображено как предмет, «работающий с помощью пятерых сестер» — пальцев (тб) и которое «до вечера крутится, вечером беременест» (д, к, лз). Описываются: прялка («У высокой старушки дрожащий Мехмер», — тб), огромная моталка ниток для сукна («Четыре сестры убегают, одна за ними гоняется», — тб), прядильный станок, ткацкий челнок («Сюда шарх, туда шарх, в центре козий червь», — д; «Сам мертв, сердце шевелится», — тб; ср. с русской загадкой об этом же: «Желтенькая свинка, вырезана спинка»).

Таково теперь уже не тезисное, как в приведенной выше загадке, а развернутое повествование о всех этапах подготовки сырья для сукна и тканья его, содержащееся в целой группе дагестанских загадок.

* * *

Сравнительно невелика группа дагестанских загадок, говорящих о предметах культурно-просветительного назначения.

Прежде всего сюда относятся загадки о музыкальных инструментах — чунгуре, кумузе, барабане.

Примеры:

«Есть ли такой, кто вынул сердцевину из дуба и ясеня» (к, — кумуз);

«Все время поет, людей к себе зовет» (к, — барабан);

«Кани умха, бекI чурха» — «Живот пустой, голова в бахроме»⁸⁴ (д,—чунгур);

«Что это? В темное окошко голову засунет и поет» (лз,—зурна).

Во внимательном и довольно глубоком изображении в этих загадках и материала, из которого сделаны музыкальные инструменты, и характерных признаков внешней формы и назначения предметов, их воздействия на людей сказалась горячая любовь народа к родному традиционному искусству. Оно как бы беседует с горцем, и даргинская загадка утверждает: «Четыре брата одну речь произносят» (чунгур и его четыре струны).

В состав свода загадок культурно-просветительного назначения входят также загадки о бумаге, книге, ручке. Однако их в до-революционном дагестанском фольклоре, в отличие от русского, было мало. За годы Советской власти свод загадок на эту тему значительно расширился.

Среди дагестанских загадок этой темы может привлечь к себе внимание загадка о коране. Это результат многовекового насильственного внедрения в Дагестане идеологии ислама. Не случайно в этой загадке неотгадавший уже заведомо назван глупым ослом:

«Тапу-тапу, темир къапу,
Юз япракь, юзюм чечек.
Шону билмеген гъайгев эшек».

Тапу-тапу,⁸⁵ железные ворота.
Сто листьев, цветок винограда.
Кто его не знает, тот дурной
осел (к).

В Табасаране известна загадка «Кьулдихъ шари пь» («На полке пестрая курица»). Примечательно, что впоследствии народ по-своему стал отгадывать эту загадку, сделав предметом отгадки не коран, а книгу вообще.

В обзоре тематического содержания дагестанских загадок следует особо выделить и довольно редкие загадки об отвлеченных явлениях. Известны загадки о жизни (а: «Самая дорогая вещь в мире»), о сне, о мысли, о времени (а: «Ушедшее — невозвращающееся»), о долге (а: «Самая тяжелая ноша») и некоторые другие.

2. Общественная и историческая жизнь горцев и ее отражение в дагестанской загадке

Сравнительный анализ загадок разных дагестанских народов говорит о культурно-исторической общности этих народов и общности народно-художественного мышления. Правда, своеобраз-

⁸⁴ Это — и загадка и пословица, содержащая сатиру на шеголя. Ср. с русской пословицей: «На животе шелк, а в животе шелк».

⁸⁵ Подобные непонятные слова в начале загадки — частое явление.

ние природно-климатических условий и нравственной жизни отдельных дагестанских народов породило и самобытные, характерные только для данного народа загадки. Это мы уже видели на приведенных выше примерах. Как говорил Д. Н. Садовников, загадка про кедр могла возникнуть лишь там, где он рос. Поэтому вполне естественно, что, например, загадка о канаве, арыке («Режешь — больше делается, обтесываешь — шире делается») особенно популярна у кумыков — жителей плоскостной части Дагестана, где орошение всегда играло важную роль в земледелии.

Но все это — особенности географии. Нам больше интересуют черты сходства в загадке различных народов Дагестана. И бытовая обстановка, отраженная в загадке, и характер земледельческого и ремесленного труда имеют в загадках сходные черты потому, что это обусловлено единством историко-политических судеб всех горских народов, родственностью их психики.

Обратимся к примерам.

Общедагестанской в полном смысле является следующая загадка, одинаковая у всех горцев и по тематике (отгадка — орех) и по образной структуре: «Меньше пуговицы (посаженное семя), больше верблюда (само дерево), горше яда (зеленая кожа не вылупившегося ореха), слаще меда» — (в кумыкском варианте: «Тюймеди́н гиччи, тюеден уллу, агъудан аччы, балдан татли»). Ср. с даргинск.: «Сладкий, как мед, твердый, как камень, горький, как яд» — «Варъаан муръий, къаркъаан чӀачӀай, агъуан къутӀ-къуй» или табасар.: «Выше верблюда, горше яда, слаще меда» → «ДеветӀан ягълуб, агъутӀан къуркълуб, йичвӀтӀан меълиб» — хифран гъар, гъаркар, киңцӀар. Во всех этих вариантах — только незначительные отклонения.

Такова же кумыкская загадка, известная всем горцам: «Дюньяда не дёрт зат ёкъ?» (кёкню батгычы, ерни ачгычы, денгизни кёпору, ямучуну енглери) — «Каких четырех вещей на свете нет?» (лестницы на небо, ключа от земли, моста через океан, рукавов от бурки). С этой загадкой точно совпадает даргинская. Лезгины и табасаранцы считают в отгадках к загадкам, что нет на свете трех вещей: лестницы на небо, шелухи от соли, вымени курицы (лз); лестницы на небо, моста через море, вымени курицы (тб).

Характерна и такая близость разноязычных загадок, когда загадка на одном языке некоторыми основными признаками сходна с загадкой на другом языке. Таковы, например, кумыкская и даргинская загадки об урбече (халве): «Сам красный, кровь черная» (к); «Посеешь — зеленый, подрастет — красный, намолотить — черный» (д).

Сходны лезгинские, аварские, даргинские, лакские и табасаранские загадки о звездах и небе:

«На голубом ковре пестрые галушки» (лз);

«В синем тазу воздушная кукуруза» (а);

«На синем ковре белые камешки» (д);

«Ковер, который нельзя трусить, гальки, которых нельзя собрать» (тб).

Последние две загадки, а также лезгинская загадка о небе и звездах имеют некоторое сходство с русской загадкой: «Постелю ковер, рассыплю горох, никому не собрать: ни попам, ни дьякам, ни серебряникам». Общи с русскими известные у всех горцев загадки про седло («Выше коня, ниже собаки»),⁸⁶ про ножницы («Два кольца, два конца, посередине гвоздь»), про снег («Летит — молчит, когда умрет, тогда ревет»). Многие из них носят на себе следы прямого заимствования.

Как видим, целый комплекс загадок дагестанского фольклора похож на русские загадки. Это одно из проявлений и результат начавшегося в 18 веке процесса культурно-экономического сближения Дагестана с Россией.

Наблюдается и такое явление, когда наряду с загадками, аналогичными русским, об одном и том же предмете имеются в Дагестане и такие варианты загадок, в которых народная фантазия находит новые, совершенно иные словесно-художественные формы. Так исконно горская загадка о седле («Атдан бийик, итден алаша» — *кумык*. — «Выше лошади, ниже собаки»), в одном случае точь-в-точь совпадающая с русской, у даргинцев, например, отражает и другие связанные с седлом приметы, подчеркивает еще один признак седла — то, что оно из дерева: «Верхнее живое, нижнее живое, в середине дерево».

Если попытаться выявить общие черты, свойственные загадкам всех дагестанских народов и рожденные древней их культурно-исторической общностью, то следует признать, что при всей причудливости их фантазии для них характерны конкретность и сдержанность в эстетических оценках. Ярким примером может быть самый большой цикл загадок — о сельскохозяйственном производстве и предметах потребления. Редкостью являются тут загадки с преобладанием грубой эмоции в образном оформлении, редки проявления такой фантазии, при которой искажено и чрезмерно абстрактно рисуются вполне реальные «прозаические» предметы. Художественно-образное мышление народа, воспитанное тяжелым трудом и нелегкими условиями жизни, не могло развиваться не по реалистическому пути.

Характерной чертой дагестанских загадок следует признать и их жизненность. Даже мир «мертвых» предметов в горской загадке исполнен жизни. К дагестанской загадке применимо общее замечание А. М. Горького о характере всего фольклора: ему

⁸⁶ Такая загадка имеется и в туркменском фольклоре. См. А. Самойлович. Загадки закаспийских туркмен в русском переводе. Журн. «Живая старина». Вып. II—III, СПб, 1909, стр. 72.

«чужд пессимизм, невзирая на тот факт, что творцы фольклора жили мучительно и тяжело...»⁸⁷

Применима к известной части дагестанских загадок и мысль А. М. Горького о пословицах, которые, как он считает, отразили весь жизненный социально-исторический опыт народа.

Загадки тоже отразили социальные взаимоотношения горцев.

Загадок, свидетельствующих об этом, сравнительно немного, но их достаточно для того, чтобы вскрыть специфические особенности социальной направленности народной загадки. Они обобщенно и со всей силой резкого обличения передают подневольное положение горца-бедняка. Таковы кумыкские загадки: «Арыкъ тую явдан оьлген» (кёп яв юклёп, арып оьлген) — «Худой верблюду сдох от жира» (Нагрузили много жира и это свалило его); «Сув сугъарагъан гиши сувсап оьлген» (сув ичме чоласы болмагъан) — «Тот, кто поливал, сдох от жажды к питью» (Не было времени напиться).

Тяжелая доля бедняка бесправного и нищего, изнывающего под гнетом богатей, своеобразно отображена и в распространенной у всех дагестанских горцев загадке об иголке. Например, дарг.: «ГПялам сунени рургули, саби чЯнкIли бууси» — «На других работает, сама всегда голая». Такова же кумыкская загадка о подушке: «Гюндюз-гече къараваш» — «И вечером, и днем слуга». Близка по идейному смыслу и табасаранская загадка о ложке-черпаке: «Жигьил миди варидариз хураг тувну, къави духьну, йикънахъан хъадахъан, арчликкна ккатIахъруб» — «Пока молод всех кормящий, а как постареет, под забор выбрасываемый».

Благодаря тому, что подобные приведенным загадки исполнены социального звучания, они зачастую употребляются у горцев и как пословицы.

В зависимости от способа и формы выражения социальных противоречий классового общества дагестанские загадки подразделяются на две группы:

1) загадки, в которых представители социальных классов даны в отгадке, а не в самой загадке;

2) загадки, в которых классовые взаимоотношения людей — не в отгадке, а переданы самой загадкой.

Афористических произведений первой группы чрезвычайно мало. Это загадки о дибире, мулле — одном из сатирически обличаемых народным творчеством типе. Даргинцы, отмечая такую характерную черту мурлы, как его нетерпимость к непокорным, загадывали: «ДяхIчииу муцIурти, чус хIейгахъу дуцIарти» — «Отпускают бороды, не любят горячих». У аварцев прижилась заимствованная, по-видимому, из русского фольклора загадка: «Цевесан бихъинчи, нахъасан чIужу гIадан» — «Спереди мужчина,

⁸⁷ А. М. Горький о литературе. Литературно-критические статьи. М., 1953, стр. 698.

сзади женщина» (ср. с табасар. загадкой о мулле: «Чей желудок подобен бездонной бочке?»)

Характерной особенностью этих загадок является то, что они по своей идеологической направленности глубоко народны. Разоблачая трутней построенного на эксплуатации народа строя, крестьянин с горькой иронией говорит в загадке о своей нищете. Аварск.: «Тад хъал чанчахараб, жаниб хъал басбасараб» — «Сверху чешуйчатый (рванный), а внутри решетчатый», т. е. дырявый (шуба бедняка).

Следует заметить, что загадки первой группы по социальному звучанию неоднородны. В результате многовековой проповеди живых догм шариата предметом дагестанской загадки оказались такие чуждые фольклору установления, как молитва богу, совершаемая пять раз в сутки (тб.: «На одном дереве пять сортов фруктов»). По этой же причине возникли загадки о мечети (ак: «Шагъра ххуллул дянив да ччантлу бур тар» — («Говорят, на шоссе на дороге копыта лежат»), о первом человеке Адаме, из ребра которого якобы возникла Ева (тб.: «Чан жандикан хивур гъапур» — «Из своего организма женщину родивший») и т. п.

Таковы дагестанские загадки первой группы.

Наибольший научный интерес представляют загадки второй группы. Существенным признаком их является то, что социальность в них осуществляется как бы перевернуто, не через отгадку, а собственно загадку. Социальная идея тут заключена в образной структуре самой загадки. Это достигается благодаря тому, что не сами социальные явления непосредственно рисуются посредством поэтического образа, сравнений, метафор, взятых из «вещного» и животного мира, а напротив, конкретные предметы действительности раскрываются путем использования образов представителей классового общества и их взаимоотношений. Например, в табасаранской загадке для описания матицы и бревен применены образы кавхи-старосты и нукеров («Кавха дукӀну, нукрар илтӀишна» — «Убив кавху, нукеры его окружили»). Лезгинская загадка: «Имуча-муча: йникъа къаравушар, йифен бикейар» — «Что это: слуги ночи, княгини дня» (Постель, разостланная на полу ночью и убранная днем). Табасаранская загадка об этом же: «Днем эмиры, ночью рабы».

Образный строй этих загадок использует картины антагонистических классов.

Иногда загадка говорит о неодушевленных предметах, но характеризует социальные связи людей. Оттого-то предметы в загадке и воспринимаются нами, так сказать, олицетворенными, очеловеченными.

Народной загадке свойственно художественное перенесение на изображаемые в ней неодушевленные предметы и их связи действий и даже переживаний и чувств людей. Примером может быть кумыкская загадка про столб и перекадаину на нем, которая

передает физическое напряжение пруженика, подпершего плечом непосильную тяжесть: «Угь вай, инбашым, токъта, ёлдашым» (багъана ва ирахы) — «Ой, мои плечи — подожди же товарищ».

Социальная мысль, просвечивающая в загадке четко определена по своей классовой направленности: она принадлежит народным массам, исполнена сатирического отношения к господствующим классам, окрашена тонкой иронией.

Особенно показательна в этом смысле следующая табасаранская загадка:

«Ай, аман йикъ», — амрари кIур.

«Учу гьапIча?», — нукрари кIур.

«Ичв йикI тIувкIриячв», — эскрари кIур. (*Хамхрар, дукънар, гъардар*).

«Ой, аман поясница», — эмиры говорят.

«Что мы можем сделать?», — нукеры говорят.

«Да пусть ваше сердце лопнет», — солдаты говорят. (*Матицы, бревна и дощечки между бревнами*).

Загадка эта с позиций народного мировоззрения воспроизводит социальную иерархию южно-дагестанской действительности: эмир, его нукеры и солдаты. Загадка пронизана ненавистью трудящегося горца не только к господам, но и к их слугам.

Элементы социальной структуры дореволюционного Дагестана в какой-то мере отложились и в другой табасаранской загадке о стоге сена, возвышающемся на четырехугольном деревянном строении: «Яз дувгъай: ликар гъилицнацин, йикъ чергез, кIул амрин» — «Угадайте: ноги нищего, пояс черкеса, голова эмира».

Реалистичность дагестанской загадки заключается не только в раскрытии классового антагонизма между богатыми и бедными, но и в том, что она подметила общность интересов эксплуататоров — эмиров, князей и нукеров.

Кумыкская загадка о кастрюле и тарелках обращает внимание на то, что нукеры прислуживают князю: «Къарабий атдан йыгъылгъан, ногерлери жыйылгъан» — «Карабий слез (дословно: упал) с коня — нукеры собрались» (вокруг него). Ср. с даргинской, где социальный элемент отсутствует: «С красного коня сходит белый всадник — родня его окружает» (С печи снимают кастрюлю и вокруг нее ставят тарелки).

Анализ социальности дагестанских загадок приводит нас к интересным наблюдениям о том, как проявляется эта социальность в бытовании загадки. Дело в том, что реакция и характер восприятия аудитории при исполнении рассмотренного типа загадок весьма своеобразны. Как правило, в живом бытовании загадки слушатели прежде всего улавливают ее словесную образную структуру, а затем через нее доискиваются до конкретного

предмета-отгадки. Главное здесь то, как загадка загадана, какое мастерство проявлено ее создателем, иногда даже имеет значение, каковы мысль, чувство, интонация, содержащиеся в ней. Объект изображения загадки отодвигается на второй план, все внимание, даже после отгадки, сосредоточивается на загадке. Это и естественно, ибо самой силой законов сознания и мироощущения трудового человека, как существа прежде всего общественного, более сильное любопытство разжигают в нем не сами мелкие несущественные предметы, какие имеем в отгадке, а то более важное и нужное, что заложено в самой загадке — изображение общественно значимых явлений.

Таков социально-психологический аспект жизни рассматриваемого типа дагестанских загадок.

Загадки о социальных противоречиях представляют собой по идейно-художественному звучанию одну из самых сильных групп в общем фонде дагестанских загадок. Они свидетельствуют не только о большом внимании горской бедноты к вопросам социального устройства общества, но и о том, что угнетенные массы горского крестьянства пользовались каждой возможностью для сатирического разоблачения угнетателей и для выражения своего протеста и ненависти к ним.

3. Дагестанские народные загадки в советское время

Дагестанская народная загадка продолжает жить полной жизнью и в годы Советской власти. Однако в ее бытовании и тематике по сравнению с традиционной загадкой происходят заметные изменения. Загадка целиком становится предметом творчества и исполнения главным образом у детей. Ее место — в учебниках, в школьной стенной газете, в детских радиопередачах. Она вырабатывает у детей наблюдательность, сообразительность, пробуждает работу мысли и фантазии, приучает различать с помощью загадки свойства, признаки и форму предметов и явлений, помогает обогащению словарного запаса.

В современном репертуаре загадок продолжает жить и традиционное. Но старые загадки говорят или о существующих и сейчас предметах быта, или отражают само мировоззрение горского земледельца, не свободное еще от старых пережиточных представлений. Новые загадки о предметах и явлениях старого хозяйственно-экономического уклада горцев уже не создаются, но зато возникают загадки с новым идейно-тематическим содержанием. Это позволяет судить о резких изменениях в традиционном быту народов Дагестана, происшедших после революции.

Новые орудия материального производства, предметы бытовой техники, появившиеся за годы Советской власти, прочно вошли в жизнь, стали неотделимой частью быта горцев. Эти новые

бытовые предметы и вещи и образуют тематическое содержание собственно советских дагестанских загадок.

Трактор заменяет в сельском хозяйстве деревянный пуруц (соху) и примитивный плуг. Вместо арбы и саней навсегда вошли в быт горца автомобиль, мотоцикл, вертолет, самолет. Обо всем этом и говорят дагестанские загадки. Одних загадок о тракторе мы в экспедиции в горные районы записали четырнадцать.

Культурные преобразования в горах сделали объектом внимания горской детворы бумагу, книгу, газету, перо, ручку, карандаш, радио, телефон и т. п. Это тоже отражено в загадках.

Любопытную деталь можно отметить в загадках, отражающих новое. Они иногда сохраняют в себе упоминание о старых исчезающих и исчезнувших орудиях, противопоставляют изображенные в них новые предметы техники старым орудиям производства. Так, автомобиль сравнивается с арбой и быками (д.: «Не арба, но груз везет»), трактор, выступающий в горской загадке как странное существо, не откликающееся на оклики «гей» и «воха», противопоставляется быкам и коню (лз.: «Железный конь землю пашет»).

Одни и те же загадки имеют иногда различные отгадки. Это явление характерно также и для традиционных горских загадок. Например, особенно частая в кумыкском фольклоре загадка о тракторе в одном из случаев отгадывается и как река («Т-р-р-р-десе, токътатамай, бичен салса, ашатамай» — «Тпру, — скажешь — не останавливается, сено дашь — не ест»).

Двойкие отгадки имеют и некоторые другие советские дагестанские загадки. Такова даргинская загадка: «Иша «дум-дум», ита «дум-дум», дубурла гела «дум-дум» — («Здесь «дум-дум», там «дум-дум», за горой «дум-дум»). Отгадка — и самолет, и автомашина. В связи с этой загадкой следует отметить такое не часто встречающееся в загадочном фольклоре явление, как использование старой формы для художественного отображения новых предметов: до революции в загадке имелись в виду пчела, с появлением самолета загадка о пчеле по сходству признаков звучания и полета несколько изменилась и стала обозначать новые предметы.

Дагестанская загадка советской эпохи отразила не только изменения в орудиях производства и в культурно-бытовой сфере жизни населения. Она вместе с тем воспела и великих вождей и руководителей партии и Советского государства, в частности В. И. Ленина и М. И. Калинина, с именами которых горское крестьянство связывает невиданные преобразования, изменившие всю жизнь в горах Дагестана. Такая конкретность и историзм новых загадок — совершенно небывалое явление в народном загадочном творчестве. Правда, в творчестве древнегреческих комиков загадки иногда тоже использовались так, что они приобретали общественно-политический смысл, но там задачей было обли-

чение политических порядков, не устраивавших авторов древнегреческой комедии,⁸⁸ а авторы современных горских загадок стремились помочь общенародной художественной задаче создания в народном искусстве слова самых популярных образов, олицетворяющих победу нового в жизни.

Загадки о новых машинах, облегчавших человеческий труд, о всем том новом в культуре, что сделало жизнь более светлой, в свою очередь еще больше подчеркнули создававшийся фольклором образ Ленина. Все, что дала горцам революция, все, что свидетельствует об осуществлении их вековой мечты о национальном и социальном освобождении, они связывают с деятельностью В. И. Ленина.

Таковы загадки:

«Бизге сыйлы аты кьалгъан, байрагы ва хаты кьалгъан»
(«Оставил нам имя, труды и знамя»,—к).

«Его имя всему миру знамя» (д).⁸⁹

Образ В. И. Ленина создан трудящимися и в загадках других народов нашей страны. Известна нанайская загадка, где Ленин показан как «самый большой человек», по заветам которого работают «великое множество людей» разных родов, разных национальностей.⁹⁰

В загадках, созданных в советское время, не все совершенно по своей художественной форме. Например, табасаранская загадка о картофеле явно книжного стиля: «Ухьу рюкьдйь фу гъубжнийи, гъипнийи ва тяриф гъапнийи?» («Что мы изжарили в огне, поели и похвалили?»). Она лишена тех принципов словесного оформления, которые характерны для народной загадки с ее любовью к нередко необычным словооборотам и сплошным иносказаниям.

Лексико-стилистической особенностью дагестанских загадок советской эпохи является употребление как в отгадке, так и в самой загадке терминов и слов, ставших интернациональными: «указ», «колхоз», «СССР», «книга» и т. п. Характерна в этом отношении табасаранская загадка о пчелином улье: «Саб хулаь к'ул'инди колхоз» («В одном доме отдельный колхоз»).

Таково идейно-тематическое содержание дагестанских загадок, созданных за годы Советской власти.

⁸⁸ Г. С. Дестунис. Очерки греческой загадки с древних времен до новых. Журнал Министерства народного просвещения, СПб, июль 1890, стр. 77.

⁸⁹ Варианты первой загадки записаны в Казанище и Н. Дженгутае в 1962 году студентами ДГУ Гамидовым и Джафаровым. Рукописн. фонд НИИФЛИ ДГУ, д. № 411, 412. Вторая загадка там же, д. № 394.

⁹⁰ А. П. Путинцева. Нанайские загадки. Ученые записки Ленинградского гос. пед. института, т. 132, 1957, стр. 246.

4. Поэтика загадок

Анализ поэтической формы дагестанской загадки имеет то значение, что он может в определенном смысле помочь раскрытию природы поэзии вообще и в частности поэтических приемов, обычных для загадки и применяемых в Дагестане также и в художественной литературе.

Мир дагестанской загадки — это мир прежде всего поэзии. Как говорит М. А. Рыбникова, «загадка — ключ словесного образа, зерно поэзии».⁹¹

Уже сам характер отбора вещей объективного мира (небо, облака на голубых небесах, солнце, луна, сверкающе белые звезды, радуга, молния, роса и т. п.), богатство красок и звуков, слышимых и ощущаемых в народной загадке, с достаточной ясностью свидетельствует о той любви к светлому, прекрасному, какая и является душой поэзии.

Поэтический взгляд на действительность, проявляющийся в горской народной загадке, обусловил поразительное богатство применяемых в ней тропов и поэтических средств.

Характерными признаками художественной формы дагестанской загадки, в которой всегда подразумевается вопрос — что это? из чего это? каково это?, — является описание и повествовательный эпический склад.

Нередко описание — это картинная передача основных или частных характерных внешних признаков предмета: «Учв уччуб, кIул шиб алуб, рижв убрушв» (тб: «Сам красивый, голова с ногтем, хвост — ножницы», — *рыба*); «Бохдул гьечлеб, куркъби гьечлеб, бихьулареб — боржунев» (а: «Ног не имеет, крыльев не имеет, не видит, но летающий» — *ветер*).

Иногда описание покоится не только на показе внешних примет предмета, но и на определении практической ценности его: «Тогъай ймик къайтгъан, тогъуз къыз бермесенг айтман» (к: «Кривая, как обод колеса, девять девиц не дадите — не скажу», — *верблюды*).

Повествование порою ведется от первого лица. Это особенно свойственно загадкам, близким к ашугским. Показательна следующая кумыкская загадка о виноградной кисти и ноже, напоминающая диалог в состязании ашугов и певцов:

«Бийлер, ханлар къызыман.
Гюнлер сайын ъсеген.
Бѣтекели боз къуймур.
Кимдир мени гесеген?

«Баев, ханов дочка я.
Зрею с каждым днем.
Бурая кокетка я.
Режет кто меня?

⁹¹ М. А. Рыбникова. Загадки, стр. 6.

Бийлер, ханлар къызысан.
Гюнлер сайын обсеген
Этегимде беки бар.
Менмен сени гесеген».

Баев, ханов дочка ты.
Зреешь с каждым днем.
Острый нож в моих полах.
Режу я тебя».

В загадках Дагестана проявляется умение горцев живописать изображаемое с использованием любых словесно-поэтических средств.

Характерен для загадок параллелизм. Этот общий для всех загадок прием подметил еще А. Н. Веселовский. Он писал: «Ведь и известный тип загадки покоится на одночленном параллелизме, причем образы сознательно умолченного члена параллели, который приходится угадать, переносятся порой на тот, который и составляет загадку». ⁹²

У даргинцев, лезгин, кумыков и табасаранцев известна загадка о постели, где параллель создается по принципу иносказательного указания на функцию предмета. Приведем кумыкский пример: «Гюндюз бийке, гече къараваш» — «Днем княгиня, ночью рабыня». Иногда она основана на характеристике признаков, действий умалчиваемого предмета параллели. Такова даргинская загадка: «Хъанца гъалаб башули, хлунтлена кабихъуй» — «Синий впереди идет, красный лежит» (*дым и огонь*). Эта загадка может служить и примером метонимии — одной из разновидностей одночленного параллелизма (вместо названия самих предметов, отмечены лишь их признаки — «синий», «красный»).

Отличительным признаком загадочного одночленного параллелизма чаще всего является то, что он состоит из условных образов, основанных на «скрытом» сопоставлении предметов и явлений, имеющих лишь отдаленное сходство. Это вызвано, как можно полагать, связью загадки с условной тайной речью древности. Таковы загадки той же темы об огне и дыме, существующие у аварцев, лезгин, лакцев и табасаранцев. Для краткости ограничимся лезгинским и аварским примерами:

лезг.: «Имуча-муча, яру яц ацукъна, чIулав яц физва» — «Что это такое: красный бык сидит, черный бык летит»;

аварск.: «Бегаральуса бахъулареб баГараб оц, аралъуса бусунареб чIегIераб оц» — «Красный бык лежит, никогда не встает, черный бык уходит, никогда не возвращается».

По содержанию одночленного параллелизма последняя загадка полнее.

Имеет смысл сравнить образ дагестанской загадки «огонь-бык» с образом русской загадки «изба-бык», тем более, что огонь, дым — неотъемлемые атрибуты избы дореволюционного крестьянина: «Стоит бычище, проклеваны боцища» (*изба*; СД, № 18, стр. 32).

⁹² А. Н. Веселовский. Собр. соч., т. 1, СПб, 1913, стр. 205.

Наиболее характерным примером иносказания в дагестанской загадке является метафора. Еще Аристотель заметил, что загадки — это «хорошо составленные метафоры».

Метафора в загадке создается, так сказать, при помощи своеобразного взаимного обмена образами: образы из мира человеческого труда, из животного мира применяются для обрисовки предметов неживой природы; «вещный» мир оживляется в загадке, обогащенный «содержанием человеческих симпатий».⁹³ иначе говоря, он становится «человечески суггестивным»⁹⁴ и наоборот, для изображения явлений человеческого труда, частей тела его, животных и насекомых и т. п. загадка привлекает образы из неживой природы и «вещного» мира.

Примерами первого типа метафор могут быть загадки о небе — «синем ковре, который нельзя трусить» и на котором рассыпаны звезды — «белые галки» (*тб, д*) или звезды — «белый рис», «белый горошек» (*д*). Таковы же аварская загадка о снеге — белой бурке, надетой на равнину, даргинская загадка о реке — «звнящем существе» подо льдом — «большой шубой».

Второй тип метафор образуется в случаях, когда для обрисовки живых существ, частей организма человека использованы образы из неживой природы. Таковы лезгинская загадка о змее — «золотом кнуте, лежащем под камнем», кумыкская о змее — «сыром ремне», или о рыбе — «под мостом мелькающем хрусталике» или «бусах», табасаранская — о петухе — «звнящем колокольчике на краю села». Подобных загадок бесконечное множество.

Широко применяется в горской загадке такой прием иносказательной образности, как олицетворение. В этом приеме особенно законченное выражение то, что А. Н. Веселовский назвал «суггестивностью».⁹⁵

Примеры загадок с олицетворением:

дарг.: «Кел узи хIеркIлизи хIербиклули цехIнабикес хIебирули» («Два брата в воду глядят, никогда не сойдутся», — *речные берега*);

лакск.: «Ца адимина ур мудан щинал жарт кьацIливун дирхьуну укьачлай» («Мужчина направил в рот струю воды и не напьется», — *мельница*);

табасар.: «Шубур чичи уч апIуру, сари пуч» («Три сестры собирают, одна растрчивает», — *весна, лето, осень и зима*).

Богато используется во многих дагестанских загадках звукоподражание. В табасаранской загадке о громе звуковой образ («Гугрум-гугрум, гурп-гум») сам дает ее отгадку. Такова же аварская загадка: «Аниб зварх, доба зварх, зоб рокьалда гьор-

⁹³ А. Н. Веселовский, стр. 133.

⁹⁴ Там же, стр. 135.

⁹⁵ Там же, стр. 136.

кьоб зварх» («Туда «бах», сюда «бах», между небом и землей «бах», — пушка).

Дагестанская загадка знает и аллитерации и рифму. Нередко в одной загадке соединяются почти все основные образно-поэтические и изобразительно-выразительные средства. Приведем табасаранский пример:

«Иискьубди кьасакк,
Кьуб вазли гьурдакк,
Зумзумдин Шитин,
Ширвандин гьяртин
Вярш-курш».

«Десять месяцев на полке,
Два месяца на руке,
На воде «зумзум»,
Над ущельем «Ширван»
Вярш-курш». (Коса).

Созвучие звуков «кь» и «ш», музыкальное тавтологическое слово «зумзум» (святая вода райского родника в ночь Лейлатул Кадира), звукоподражание «вярш-курш», рифма и ритм, убыстряющийся к концу загадки — увеличивают силу впечатляемости загадки, поэтическую настроенность восприятия.

«Зув-зув» этер, «зув» этер,
«Зув-зуву» кёкге этер;
Агъач кьутукъну ичинде
Алтындан уйлер этер».

«Зув-зув» поет, «зув» поет,
«Зув-зув» до неба летит;
Внутри деревянной коробки
Золотые дома строит». (Пчела).

Эта кумыкская загадка тоже показательна с точки зрения комплекса тропов, органически пронизывающих всю ее художественную ткань. В ней — и метафора (соты — «золотые дома»), и звукоподражание («зув-зув»), и рифма, и ритм, которые помогают красочно воспроизвести характерные и признаки пчел (звуковое описание их полета) и их занятие (то, что они строят золотистые соты с медом).

Касаясь звукоподражания в загадке, укажем и на такой вид его, который основан на игре омонимами. Так, табасаранское название комара «имимай», имеющее звукоподражательный характер, имитирует адекватное ему по звучанию название дяди по отцу — «ими»:

«Ими-ими» кIури гьюру,
Халура дарди гьябгьюру».
(Имимай).

«Дядя-дядя» говоря, приходит,
Даже не став дядей (по матери),⁹⁶ уходит.

Близким к звукоподражанию поэтическим средством является звуковая цепь как один из видов звукописи. К примеру, в табасаранской загадке про улитку «Рьякъиъ кешре кепIди аьвгьруб»

⁹⁴ Дядя по отцу у табасаранцев обозначается словом «ими», в отличие от дяди по матери — «халу».

(*хялй*) — «Идущий, рисуя на дороге орнамент» — «р» в первом слове аллиментируется с «р» во втором, «к» во втором — с «к» в третьем слове.

Художественной особенностью дагестанской загадки является также применение в ней сравнения и поэтического приема выключения сходных признаков. Даем пример сравнения:

«Тавгъа чаба окъ йимик,
Энишден дегерей топ йимик».

(*Къоян*).

«В гору бежит, как стрела,
А с горы катится, как мяч».

(*Заяц*).

Прием выключения менее употреблен. Пример: «Ца ахлен, амма лебилра дунья шалабиру», — «Не огонь, но весь мир греет» (*солнце*, — дарг.). А. Н. Веселовский называет этот прием отрицательным параллелизмом.

Говоря о загадочной образности, нельзя не отметить такое ее поэтическое свойство, как алогизм изображения. Он характерен для многих дагестанских загадок.

«Уьюн гетерип айлана», — «Дом носит на спине» (*улитка*, — кумык);

«Къурданаган къаралъулеб, жо щиб?» — «Чем больше танцует, тем больше полнеет» (*веретено*, — аварск.);

«Ликар заваризди заргну, рижв улихьинди гъябгъруб» — «Ноги кверху задрав, хвостом вперед идущий» (*сани*, — табасар.) и т. п.

Как показывают примеры, алогизм изображения заключается в том, что образ загадки, рисуящий весьма обыденные вещи и явления, идет вразрез со ставшими привычными представлениями о положении, формах и связях этих предметов и явлений действительности. С помощью такого приема и достигается в загадке необычность фантазии, дерзость воображения и причудливость выражения. Алогизм изображения связан с самой сущностью загадки, которая преследует цель сделать как можно более затруднительной ее отгадку.

В заключение вкратце остановимся на своеобразии композиции дагестанской загадки. Исполнение загадок предполагает обязательное наличие одного или более слушателей и одного исполнителя. Этим обусловлена и двухчленность построения загадки, ее вопросно-ответная форма (загадка и отгадка).

В собственно загадке композиция также имеет свои особенности. Загадка состоит из зачина — обращения, имеющего целью привлечь внимание слушателей к содержанию загадки, и самой загадки. В даргинской загадке зачин — обращение — это «багыра-багыра» — «отгадайте-отгадайте», у лезгин «имуча-муча?» — «Что это? Что это?», у табасаранцев «яз дувгъай», «адугъай — дугъай» — «угадайте (дословно: узнайте) у меня»; у аварцев —

вопрос «жо шиб» — «что это?», который обычно ставится и в конце загадки.

Загадка может иметь и диалогическую форму.

«Багъира-багъира;	«Отгадайте-отгадайте:
— Ну жагалра,— ца биклар.	— Я красивее,— одна говорит,
— Ну жагалра,— ца биклар».	— Я красивее— другая говорит».

(Берхи ва бац).

(Солнце и луна,— дарг.).

Табасаранский пример:

«Яз дувгъай:	«Угадайте у меня:
Савди кIуру «Аьбгъюрхъа»,	Один говорит «Пойдем»,
Савди «Дилгъунхъа»,	Другой говорит «Подождем»,
Шубубпибдира «Ккалалкъун-	Третий говорит «Будем раска-
хъа»	чиваться».

(Нир, гъван, чегъ).

(Река, камень, камыш).

Диалог в загадке — одно из ярких проявлений приёма олицетворения. Тут человек переносит свое самовосприятие жизни на явления природы, в которых, как говорит А. Веселовский, он подозревает энергию, волевое движение, действие. Благодаря этому загадка приобретает «человеческое содержание», становится зримой и полнокровной. Вот этими причинами, то есть издревле присутствующим человеческой фантазии свойством оживленно и выразительно обрисовывать воспринимаемый мир и вызвана к жизни диалогическая форма. Другой причиной, которая ведет к диалогу в загадке, является парность или комплексность изображаемых предметов.

Такова система поэтической образности, образительно-выразительных средств, повышающих художественное мастерство дагестанской загадки. По загадке можно судить об эстетическом взгляде горца на мир, о его умении открывать в самых обыденных вещах их живую суть и красоту. Народная трудовая эстетика проявляется в дагестанской загадке во всей ее яркости и полноте. В поэтике загадки отразилось такое ощущение мира, которому было далеко не чуждо поэтическое отношение к действительности.

Изучение дагестанской народной загадки убеждает нас в том, что ни гнет местных феодалов и царских сатрапов, ни отравлявший сознание народа духовный гнет фанатичного дагестанского духовенства — ничто не смогло огрубить поэтическую душу горского труженика-крестьянина и погасить в нем его оптимизм и всегда жившую тягу к светлому и прекрасному.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
I Пословицы и поговорки Дагестана	9
Ранние стадии развития дагестанских пословиц	14
Тема классового антагонизма в дагестанских пословицах и поговорках	18
Антирелигиозные и антиклерикальные пословицы народов Дагестана	26
Народная практическая «философия» в дагестанских пословицах и поговорках	32
Дагестанская афористическая поэзия в советской действительности	36
Художественная форма дагестанских пословиц и поговорок	39
II Загадки народов Дагестана	49
Характер бытования и идейно-тематическое содержание дагестанских загадок	51
Общественная и историческая жизнь горцев и ее отражение в дагестанской загадке	63
Дагестанские народные загадки в советское время	69
Поэтика загадок	72

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ:

стр.	написано	надо читать
5	М. Муртузалиев	М. Муртазалиев
45	согласных «к»	согласных «къ»
68	подожди же товарищ	подожди же, товарищ
76	менее употреблен	менее употребителен

Малик Магомедович Гасанов

Дагестанские народные пословицы, поговорки, загадки.

Редактор А. Назаревич.
Технический редактор Б. Гугаев.
Корректор. Г А с л а н о в.

Сдано в набор 22/IV-1971 г. Подписано к печати 6/VIII-1971 г.
Формат 60×84¹/₁₆. типогр. № 1.
Печ. л. 5,0. Учет.-изд. л. 5,05.
Тираж 2000 экз. Цена 30 коп. С02952.

Дагестанское учебно-педагогическое издательство
Управления по печати при Совете Министров ДАССР,
гор. Махачкала, ул. Маркова, 32. Зак. 320.

Типография им. С. М. Кирова Управления по печати
при Совете Министров ДАССР, гор. Махачкала, ул. Маркова, 51.